

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XII

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

М. И. Артамонов

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятин, Т. Н. Киповиц,
В. А. Миханкова (ответственный секретарь), А. П. Окладников,
А. Ю. Якубовский

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.

В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Часть II	7
И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма)	41
С. Н. Бибиков. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала	66
Н. Н. Гурина. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова	105
М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами	128
А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов»	157

Материалы

Г. П. Сергеев. Позднеаинельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). (Предварительное сообщение)	203
С. Н. Замятин. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского	213
<u>М. В. Воеводский.</u> Найдки раннего палеолита в бассейне р. Десны	217
Л. Я. Крижевская. Неолитические стоянки окрестностей сел. Алексеевского, Вышневолоцкого района	231
А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут	247
Э. Р. Рыгдыло. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке	287
Т. М. Девель. Обозрение коллекций собрания Фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР	289

А. Л. ЛУКИН

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ СЕЛИЩЕ КИСТРИК Б.ИЗ ГУДАУТ¹

В августе 1940 г. на свежепрополотом чайном поле я обнаружил вывернутые плантажной вспашкой на поверхность древнюю керамику, кремни разнообразных форм и шлифованные орудия из галек (рис. 1).

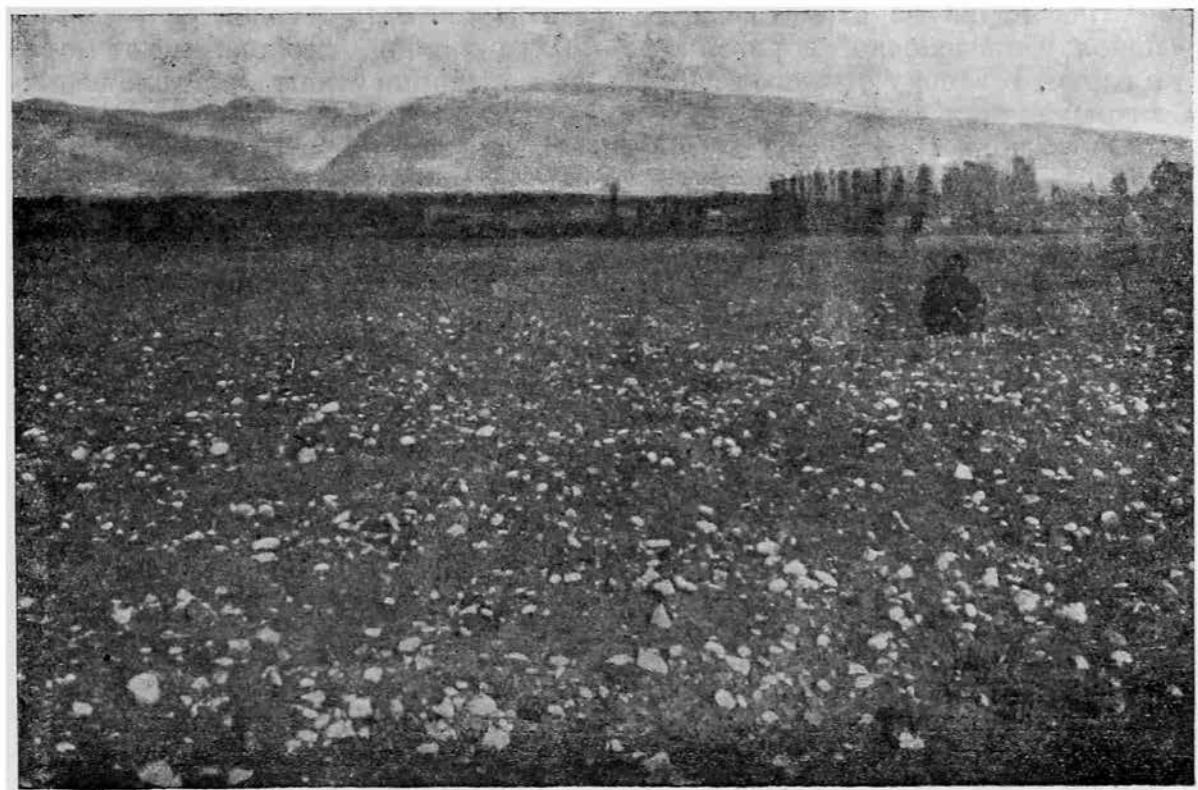

Рис. 1. Селище Кистрик. Поле I. На горизонте, за покрытыми снегом вершинами, свинцовое месторождение Дзыра.

К зиме я довел сборы до 1300 единиц, а 22 марта 1941 г. в Абхазском научно-исследовательском институте (АБНИИ) в Сухуми был заслушан мой доклад «О селище новокаменного века на ручье Кистрик под Гудаутами, в Абхазии».²

В апреле 1941 г. на средства АБНИИ была организована небольшая экспедиция под руководством Л. Н. Соловьева, давшая обильный

¹ Рисунки к настоящей работе выполнены художником С. Ф. Луневским.

² См.: А. Мелихов. Неолит в Абхазии. Сов. Абхазия, № 117 от 21 мая 1940 г.

подъемный материал и ряд ценных наблюдений, добытых путем пробных шурфовок.

В мае 1941 г. доклад автора о селище Кистрик был представленplennumu по изучению четвертичного периода, состоявшемуся в г. Воронеже.

В июне 1941 г. по вопросу о селище в Гудауты приезжали представители Академии наук Грузинской ССР, ученый секретарь Академии В. Г. Мачавариани и Г. К. Ниорадзе. В результате на сентябрь 1941 г. были намечены большие работы, но начавшаяся 22 июня Великая Отечественная война оборвала все начинания.

Селище Кистрик расположено близ берега Черного моря на территории смежного с Гудаутами колхоза им. М. И. Калинина Бамборского сельсовета. Оно занимает возвышенную площадь на правом берегу поймы ручья Кистрик, протекающего по западной окраине города. Ручей берет свое начало в пределах расположенного севернее Лыхнынского сельсовета и служит границей между городом и землями с. Бамборо. Пойма ручья, имеющая характер заливного луга, местами расширяется до 80 м. Расширяется в некоторых местах и сам ручей, в особенности западный его рукав, похожий на обособляющийся остаток древнего русла.

Как видно из схематического плана (рис. 2.), селище разрезается пополам проселочной дорогой в 17—20 м шириной, проходящей от моря к горам. К западу от этого проселка на территории селища расположены: юго-восточная часть колхозного поля, бывшего под чаем (по плану селища — поле I), и северо-восточный участок подсобного хозяйства санатория «Волга», на котором находятся разрушенная оранжерея и жилой дом (поле II). Восточную половину селища занимают два смежных колхозных поля, обращенных склонами на юго-восток и восток (поля III и IV), и к северу, против поля I, две смежных крестьянских усадьбы, также соседящие с ручьем (поля V и VI).

Площадь селища определяется границами культурного слоя, повсюду выраженного совместным залеганием кремней, черепков, щебня и орудий из гальки.

Высшая точка селища находится в юго-восточном углу поля I, имея 4.8 м над уровнем моря. Отсюда равнина полого спускается во все стороны, переходя в более крутой склон непосредственно у ручья. Заболоченная низина окаймляет обработанные участки с юго-западной стороны.

В общем площадь селища, отделенная полосой примерно в 100 м ширины от современного берега моря, имеет в поперечнике как с севера на юг, так и с востока на запад около 240 м, что при грубом подсчете составляет площадь в 6 га, если не включать сюда зону пятен более светлой глины, каждое в несколько метров диаметром. Пятна эти как бы примыкают с северо-запада к территории селища на поле I; однако археологические признаки, свойственные почве всего селища, здесь отсутствуют. Пятна эти остались необследованными.

По собранным мною данным, сельскохозяйственная обработка земель селища имеет довольно пеструю историю, начинающуюся в первые годы текущего столетия разделкой небольших участков под табак плантаторами-одиночками и завершившуюся в предвоенные годы закладкой питрушевого питомника и чайных полей.

Сохранность памятника нарушилась как табаководами, оставившими после себя корчеванные участки и заплывшие поливочные ямы, так и крупными хозяйственными организациями, засорявшими селище завозом гравия и производившими обработку полей I, III и IV плантажным плугом, что означает срезание пластов почвы на 45 см глубины с полным их перевертыванием.

В качестве частных моментов, искажавших лицо памятника, следует еще учесть рытье канав, посадочных и хозяйственных ям, подсыпку топких мест чужеродным балластом и постройку в 1932 г. оранжерей.

В данное время площадь селища подвергается лишь обычной огородной и неглубокой полевой обработке, но совокупностью всех предыдущих воздействий местами значительно нарушена стратиграфия памятника, и почти на всем пространстве мелко раздроблена и без того хрупкая керамика.

Геологическая характеристика места селища определяется прежде всего тем, что оно расположено на II морской террасе, входящей здесь

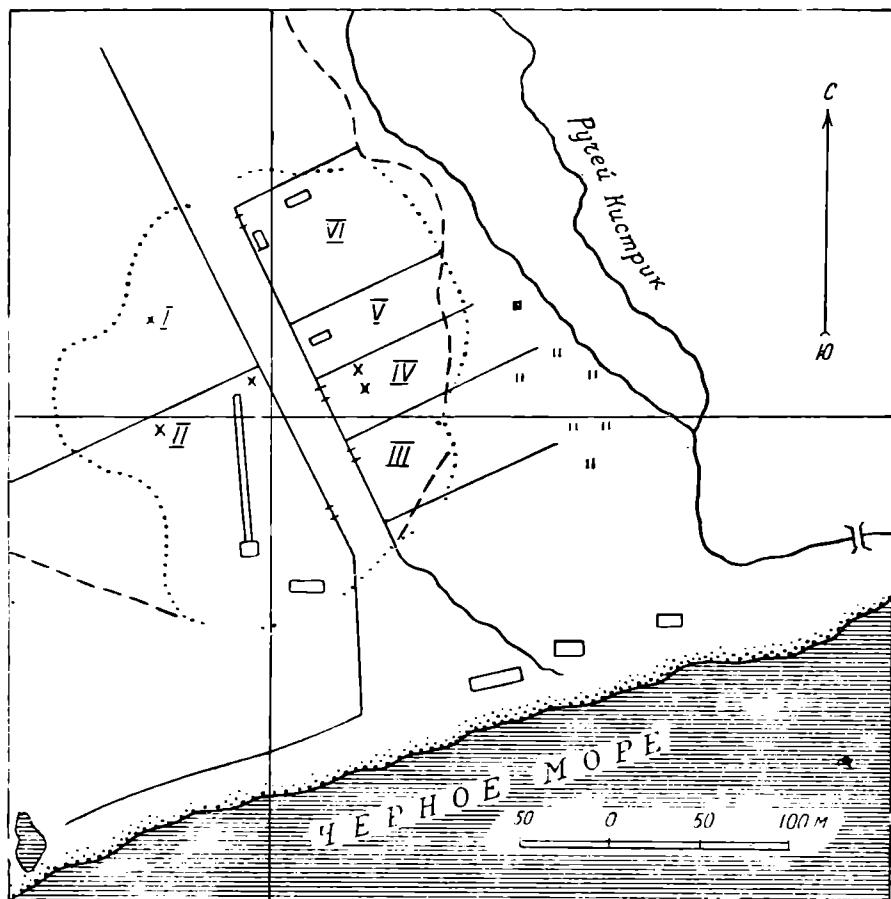

Рис. 2. Схематический план селища Кистрик.

— граница селища, X — шурф, I—VI — поля селища.

в состав обширной площади четвертичных отложений, примыкающих с востока к долине р. Хипсы (Белой). К смытому и покатому в сторону моря южному склону этой террасы прислонены морские отложения, состоящие из слоистого, рыхло сцепментированного мелкого галечника, переслоенного песком; эти отложения характеризуют строение разрушенного и выклинивающегося в этом месте остатка I морской террасы, хорошо еще различимой восточнее, по другую сторону ручья Кистрик.

Разнослойная глинистая толща, образующая площадь селища, определяется как древний аллювий. Вне границ селища эта толща свободна от галек, щебня и валунов, но на смежном, таком же глинистом поле, примыкающем непосредственно к пляжу несколько западнее селища

и отмежеванном от последнего заболоченной полосой, замечены небольшие валуны гранита.

По всей территории в толще глин вкраплены железисто-марганцевые включения.

По юго-восточной границе селища, т. е. на эродированных склонах террасы, обращенных к ручью, мы имеем выходы слоя гальки. Галька покрыта кремового цвета коркой и состоит из очень твердых известняковых пород с прослойками кальцита. Местами такие выходы намечаются и на более высоких точках.

Почвенный слой выражен слабо; толщина его на нетронутых местах доходит всего до 10 см. Ниже залегает, примерно на 30 см, слой желтой или светлосерой глины. Еще ниже — слой серовато- или буровато-желтой глины, неодинаковой мощности для различных участков; нижняя граница этого слоя всегда расположена глубже нижней границы культурного слоя.

Исследование выброса из оставшихся в разных местах селища незаконченных современных колодцев дает образцы плотного конгломерата характеризующего киммерийские слои. Глубина единственного действующего колодца на поле II, около бывшей оранжереи, доказывающего водоносность конгломератовых слоев, составляет 5.85 м.

Таким образом, подстилающая Бамборский мыс свита верхнеплиоценовых конгломератов, несомненно, проходит и под местом селища, способствуя сравнительной устойчивости очертаний морского берега. Эта же свита, выдвигаясь далеко в глубь моря, образует известную Гудаутскую устричную отмель, в настоящее время лежащую на глубине около 16 м, параллельно берегу, в расстоянии 1.5 км от него.

В данное время движение береговой линии в районе селища, как и на смежных участках побережья, положительное. Наряду с этим имеются местные наблюдения, указывающие на существование в прошлом иных условий.

В глинистой толще поймы ручья Кистрик, как и в аллювиальных отложениях протекающего восточнее ручья Адзлагара, недавно обнаружены были на глубине нескольких метров дубовые стволы. Старый штейгер П. С. Козлов, копая на своем участке, в пойме ручья Адзлагара, колодезь, натолкнулся в синеватой глине на подобие изгороди, состоявшей из вертикально поставленных в ряд кольев.

Переходя к стратиграфии самого памятника, мы можем отметить, что культурный слой начинается обычно с глубины в 10—15 см, а иногда почти с поверхности почвы, достигая мощности от 30 до 65 см. Этот слой выражен прежде всего наличием в нем большого количества галечного щебня, перемешанного с одиночными булыжниками и неповрежденными гальками разнообразнейших пород, часто несущими следы стертости. Среди этих накоплений щебня и камней лежат разной степени сохранности орудия из галек и кремня, обломки глиняных сосудов, кремневые отходы и прочие остатки былой деятельности человека.

Культурный слой покрывает всю площадь селища, но не одинаково насыщен в различных местах.

Предельная глубина культурного слоя в 80 см, показанная одним из шурфов, составляет, повидимому, исключение.

Поверхностное размещение археологического инвентаря на участках селища, при первом с ним знакомстве, было разнообразным. В одном месте преобладали топоры и долота, в другом — заготовки камня, в третьем — мелкие орудия. Были участки, отличавшиеся скоплением керамики или обилием кремней и нуклеусов и т. д. К настоящему времени картина неодинакового размещения материала сгладилась как по

причине ежегодной обработки полей, так и вследствие многолетних археологических сборов, доведенных только лично автором (не учитывая результатов экспедиции 1941 г.) до количества свыше 13 500 единиц.

Послойная обстановка залегания культурных остатков на Кистрике не выяснилась, так как эта работа требует больших расходов. Перевернутые и взрыхленные верхние слои плантажированных полей I, III, IV, а также почвенный слой ежегодно перепахивавшегося поля II, мало пригодны для решения такой задачи. Внимание должно быть обращено на целинные части селища, к которым, кроме указанного уже южного отрезка проселочной дороги (обочины), относятся полоски под выбросами из канав, некоторые межи и внутренняя площадь оранжереи. Сохранна также нижняя часть культурного слоя, на всем селище не затронутая вспашками, за исключением мест, где производилась корчевка крупных пней.

Весь валунный камень, гальки и кремень, лежащие на селище, в древности занесены сюда человеком и им же разбиты в процессе производства орудий.

При описании селища необходимо упомянуть еще о так называемом «черном пятне», расположенным на возвышенной части поля IV и имеющем очертания удлиненного островка размерами 8×12 м. Здесь одинаково резкая, насыщенная чернота почвы прослеживается до глубины в 80 см, а ниже идет опять та же глина, что и в других шурфах.

В 1941 г. мне удалось выяснить, что место селища у абхазского населения носит полуза забытое и не всем известное название «приморское Xáса место», именно место стоянки скота. Предание говорит, что местность между сел. Лыхны и морем была в старину покрыта лесом, служившим хорошим пастбищем для скота в течение круглого года; это обстоятельство избавляло от необходимости перегонять скот на лето в горы, в силу чего указанным пастбищем дорожили. Использование «Xáса места» в качестве стоянки для скота прекратилось с появлением на побережье, в начале прошлого столетия, русских войск и постройкой Бамборского укрепления.

По условиям абхазского быта в местах круглогодичного пастбищного содержания скота обязательно наличие загона для молодняка. «Черное пятно» поля IV является местом длительного существования такого загона, чему соответствуют и размеры, и контуры пятна, и глубокая (до 80 см) пропитанность почвы органическими остатками. Этим объясняются и наличие подсыпки мелкого гравия как в пятне, так и по соседству с ним (на месте пастушеского шалаша), и находка в пятне керамики плохой сохранности, амфорного типа, датируемой железным наконечником копья с глухой втулкой. Ни в каком другом месте селища подобная керамика и подсыпка гравием не обнаружены.

Залегание неолитического материала в черном пятне совершенно такое же, как и в остальных местах селища.

Самым ярким археологическим признаком селища Кистрик служит наличие в его вещевом комплексе большой группы разнообразных орудий из мелкого валуна и морской гальки и среди них немалого числа шлифованных орудий. Поэтому именно орудиям этой группы, их морфологической, а отчасти и функциональной характеристике я уделяю в дальнейшем изложении главное внимание.

Источником сырья для выделки указанных орудий служил смежный пляж, содержащий окатанные, частично или полностью ошлифованные и разнообразные по породе, формам и размерам валуны и гальки.

Вся совокупность кистрикских орудий из валунов и галек охватывается следующим перечнем, основанным на характере приемов, примененных при их изготовлении:

1) орудия необработанные, каковыми являются естественных форм гальки, часто сохраняющие на своей поверхности следы использования: утюжки, дробильники, отбойники, пальцевидные камни, песты, металлические камни, полировальники;

2) орудия таких же естественных форм, но имеющие простейшими способами подправленную рабочую часть, например «долота» и некоторые остроконечники;

3) колотые орудия: резаки, мотыги-горбушки, блюдечные гальки, ломтики;

4) орудия с частичной обивкой мелкими сколами: грузила;

5) орудия колотые, с добавочной частичной обивкой сколами: некоторые мотыги, дробильники и тесла;

6) орудия колотые, с добавочной отеской: «рубанки» и плоские остроконечники;

7) орудия сплошной обивки сколами в технике «пик»;

8) орудия с отеской и точечной обивкой, частичной или сплошной: круговые зернотерки (жернова), песты и фрагменты некоторых не выясненного назначения орудий;

9) орудия той же техники с добавлением шлифовки, частичной или полной: продольные терки с удлиненно-симметричным (вальковым) курантом, стамески, тесла, клинья, топоры;

10) орудия и обиходные вещи с начатками сверления.

К этому основному перечню необходимо добавить следующие группы:

11) незаконченные орудия (в том числе неудачные пробы материала);

12) вторичные орудия, т. е. переделанные из разрушенных в работе;

13) отщепы камня (отходы производства) в роли случайных орудий;

14) остатки разбитых и поломанных орудий.

Четыре последние группы, несмотря на невзрачность заключающегося в них материала, ценные для исследователя, так как они способствуют раскрытию технических приемов и их последовательности в деле изготовления орудий.

Для орудий, изготовление которых требовало большой затраты труда, в особенности для клиньев и топоров, подбирались гальки, возможно близко подходившие по размеру и очертаниям. Мало того, — подобные гальки жителями селища собирались в запас.

Экономия труда проявлялась еще и в другом направлении: имели место напряженные поиски лучшей для обработки, наиболее подходящей для орудия данного вида и наиболее устойчивой в работе горной породы. Орудия селища, равно и отходы их производства, свидетельствуют о том, что, несмотря на огромный опыт в обработке камня, накопленный многими поколениями, и на изобилование местности однородным и привычным сырьевым материалом, люди эпохи неолита как бы вновь переиспытывают весь местный ассортимент пригодных горных пород. Явление это понятно: орудия дифференцируются, функции их усложняются, — необходимо привести поделочный материал в соответствие с новыми требованиями и, следовательно, с более совершенными техническими приемами работы (точечная обивка, шлифовка и т. д.).

Все это привело к засорению селища кусками разнообразнейших пород (рис. 1). Широкое накопление галек и валунов различных пород настолько резко выступало при обследовании селища, что я, в соответствии с положением, высказанным в свое время акад. А. Е. Ферсма-

ном¹ и Н.К. Ауэрбахом,² положил начало небольшой вспомогательной минералогической коллекции, с целью осветить, по местным данным, пределы технических исканий человека эпохи неолита, а заодно и географические пределы этих исканий. Заслуживает внимания наличие в составе этой коллекции образцов обсидиана, породы не свойственной территории Абхазии и прилегающим районам Черноморского побережья Кавказа.

Петрографическое изучение кистрикских орудий из валунов и галек, как и сопутствующего им материала, — это одна из тем предстоящего детального изучения селища специалистами.

Описываемые орудия и отщепы покрыты патиной, резко отличающей старую поверхность от случайных свежих повреждений или изломов.

Перехожу к описанию отдельных типов кистрикского комплекса.

1. «Утюжки». Природные крупные удлиненные гальки твердых пород, плоские с одной стороны и сферически выпуклые — с другой. Длина 17—23 см, ширина 7—10 см, высота 4—4.5 см. Плоская сторона использовалась как разглаживающая поверхность. Отмечен экземпляр четырехугольной формы размером 8 × 10 см из осадочной породы. Точное назначение «утюжков» остается неясным.

2. Дробильники. Природной полушаровидной формы гальки, около 8—9 см в поперечнике, удобно лежащие в руке. Нижняя поверхность плоская, чаще неровная. Функция — измельчение какого-либо материала посредством ударов. О другом типе дробильников будет сказано далее.

3. Отбойники. Шаровидные гальки твердых кристаллических пород, 8.5—9 см в диаметре, со следами ударов, сосредоточенными в одном месте. Вес около 900 г, в то время как вес кремневых отбойников (табл. X, 18) колеблется в пределах от 65 до 105 г. Эти большие отбойники служили для раскалывания небольших валунов и крупных галек, а также для оббивки более массивных и грубых орудий. Иллюстрацией их работы может служить увесистый роговиковый отщеп, размерами 12 × 15 см с ударной площадкой и бугорком.

4. Песты. Естественные гладкие, в поперечном сечении округлые или овальные столбики, с одного конца утолщенные и оканчивающиеся горизонтальной плоскостью (табл. I, 5). Длина от 8 до 11 см. Имеются фрагменты ровных крупных, сплошь цилиндрических пестов.

5. Метательные пращевые камни. Шаровидные, разнообразных пород и разной степени стяженности. Средний диаметр их равен 5—6 см.

6. Пальцевидные гальки разнообразных пород, длиной от 6.5 до 17 см при поперечнике от 1.2 до 3.5 см, иногда со следами стертости на боковых поверхностях. В эту группу входят гальки округлого сечения, уплощенные, частично ограненные и т. д. Эта распространенная на селище форма еще требует дифференциации. Часть этих галек, несомненно, шла на выделку орудий (табл. I, 1, 2); способ использования другой части остается неизвестным.

7. Неоформленные куски абразивного материала в виде пластин или галек соответствующих пород для шлифовки и полировки каменных и костяных изделий. Зерно материала различное, от грубого до очень

¹ А. Е. Ферсман. Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры. Изв. Инст. археологич. технологий, вып. 1, П., 1922, стр. 9—14.

² Н. К. Ауэрбах. К вопросу о материале каменных орудий Сибири. ТСАРАНИОН, IV, М., 1928, стр. 43—47.

мелкого. Обломок единственного оформленного орудия для шлифовки, обнаруженного на селище, мы видим на табл. II, 7. Все образцы носят следы работы.

Применение на Кистрике необработанных галек в качестве орудий устанавливается, помимо прямых следов работы на них, по совокупности нахождения этих галек среди бытового инвентаря селища, по настойчивой, однообразной повторяемости этих находок и по отсутствию залегания подобных форм вне селища (не считая, конечно, пляжа, где, однако, материал соответствующих форм рассеян не слишком щедро).

8. Острико́нечники примитивного типа, изготовленные из гальки соответствующих очертаний, с подправкой острия скалыванием и оббивкой. Форма, очень редкая для Кистрика, что позволяет допускать преимущественное использование кости для изготовления орудий подобной формы.

9. «Долота». Продолговатые, узко-ovalьные в поперечном сечении гальки от 10 до 21 см длиной. Целость одного или обоих концов нарушена сколами, слегка заостряющими эти концы. Если сколоты оба конца гальки, то площадки сколов чаще лежат по одну ее сторону (табл. I, 3). Использование этих галек в качестве долот, при наличии на селище хорошо оформленных долотообразных орудий (табл. I, 2 и IX, 1) и полностью ошлифованных стамесок, надо считать сомнительным. Скорее долотом можно назвать орудие, изображенное на табл. I, 1, симметрично сколотое с обеих сторон и обладающее режущим концом, на данном экземпляре сношенном в работе.

10. Резаки. Эту группу орудий составляют круглые, овальные или удлиненные плоские гальки, у которых под острым углом к фронтальной плоскости четким ударом сколота значительная часть одной из поверхностей. Эти орудия характеризуются наличием полулунного или прямого валика, образованного сохранившейся частью края гальки и предназначенному для удобного держания орудия в руке. Лезвие — полукруглое, дугообразное или прямое (табл. II, 2, 6). Предельные размеры круглых и овальных резаков от 5 до 16 см в поперечнике, средний размер 8—10 см. Для прямых резаков крайние пределы длины составляют 7 и 16 см.

Имеются варианты перечисленных типов «со сбитой спинкой». Этот технический прием, примененный к необработанной стороне резака (как и других орудий), в основном имел целью снижение толщины орудия, а в иных случаях устранение скольжения его в руке при работе.

Можно отметить пластинчатые круговые резаки, для получения которых скол направлялся не косо, а параллельно плоскости гальки, вследствие чего краевого валика они не имеют. Эти резаки, несомненные орудия, много тоньше и остree вышеописанных форм и часто превышают их размерами. Однако в нескольких случаях такие резаки сами образовывались у меня в руках путем расслоения целых на вид галек при выемке их из земли. Такое расслоение является одним из видов естественного разрушения орудий из галек и валунов.

Намечается как бы еще вариант резаков разнообразных размеров, сплошь оббитых, с плоской прямолинейной площадкой взамен валика и дугообразной, иногда волнистой линией лезвия. Более тяжелые из них могли бы даже служить рубящими орудиями.

Резаки, несущие исключительно разнообразные функции «кухонных ножей» каменного века, являются очень стойким типом орудия, имеющим широкое распространение и территориально и во времени.

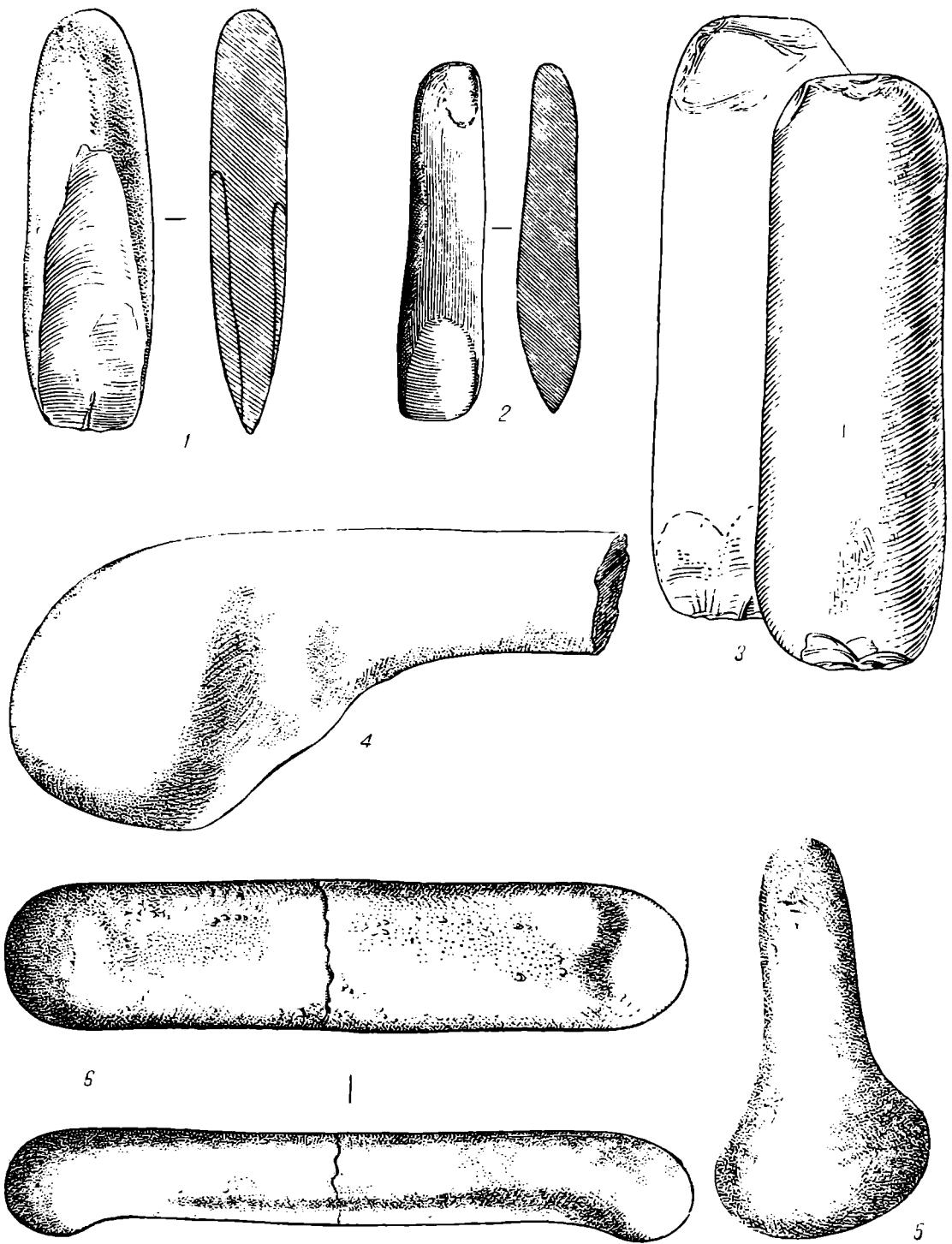

Табл. I. Селище Кистрик.

1, 2, 3 — долота; 4 — концевой фрагмент сношенного куранта продольной терки; 5 — пестр;
6 — курант продольной терки. 1—5 — $\frac{1}{2}$ нат. вел., 6 — $\frac{1}{4}$ нат., вел.

11. Ломтики. По технике изготовления те же резаки, у которых косыми сколами сбиты во встречных направлениях обе стороны гальки. Размерами они несколько меньше резаков, и лезвия их обычно острее, что и позволяет выделить их в обособленный тип с не вполне выясненной функцией (табл. II, 5).

12. Блюдечные гальки — плоско-овальные гальки кристаллических пород в 9—10 см диаметром, одна из сторон которых обращена сколами в овальное углубление, служившее сосудцем (табл. II, 1).

13. Мотыги-горбушки с усеченной пяткой, наряду с резаками и топорами широко представленные на селище Кистрик. Получались эти мотыги откалыванием от длинного края овальных галек, иногда весьма крупных, сегмента желаемых размеров с прямой или вогнутой хордой. Один из концов такого отщепа отбивался поперек сегмента, получалась пятка, управлявшаяся прикреплении орудия в уступ рукояти. Рабочий конец такой мотыги не подправлялся (табл. II, 4, и III, I, 2).

При надобности, для снижения толщины мотыги, и здесь применялся прием сбивания спинки. Таким образом, мы имеем добавочную серию мотыг-горбушек с усеченной пяткой и сбитой спинкой.

Варьируют эти мотыги в двух направлениях: 1) усиливается острота и клиновидность концов, с попутным увеличением общих размеров орудия (табл. III, 2, 4), и 2) тело мотыги расширяется и становится все более плоским, причем прямолинейный или слегка дугообразный, рабочий край мотыги получает во всю свою длину тесаную фаску, заостряющую орудие (табл. III, 3, 5).

По размерам мотыги представлены в пределах от 8 до 18 см длины с широкими колебаниями в остальных измерениях.

14. Грузила. Плоско-овальные или плоско-округлые гальки с выбитыми на противоположных, обычно коротких сторонах выемками для удержания обвязки (табл. II, 3). Имеются экземпляры с выемками на длинных сторонах, а также с двумя парами накрест расположенных выемок.

Группа малых грузил имеет вес 45, 60, 80 г и диаметр около 5 см; средние грузила — с поперечниками в 7—9 см и весом в 250—310 г. Единичное крупное грузило, размерами 12 × 16 см, весит 960 г. Средние грузила численно преобладают. Применение они могли иметь в ткацком деле, при морском лове рыбы и в других разнообразных случаях.

Эти примитивные изделия также являются очень устойчивым типом, широко распространенным хронологически и географически. Вне селища они обнаружены мною в местности Адзлагархук, севернее Гудаут, среди остатков позднего неолита, а также в одиночных экземплярах в долине ручья Дзышга, на территории Куланкурхвинского сельсовета, в 5 км от берега моря, и среди гравия, привозившегося в город на арбах с разных мест пляжа.¹

15. Дробильники искусственной выделки того же назначения, что и описанные орудия природной формы, представляют собой или небольшие булыжники с плоской нижней стороной, окруженные и уменьшенные оббивкой до размеров, удобных для обхватывания камня ладонью, или ровно отколотые увесистые сегменты, подправленные оббивкой с конца и боков до указанных выше размеров. Во втором

¹ Л. Н. Соловьев описывает эти грузила в своей работе: Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Мат. по ист. Абхазии, изд. АБНИИ АН ССР, вып. 15, 1939.

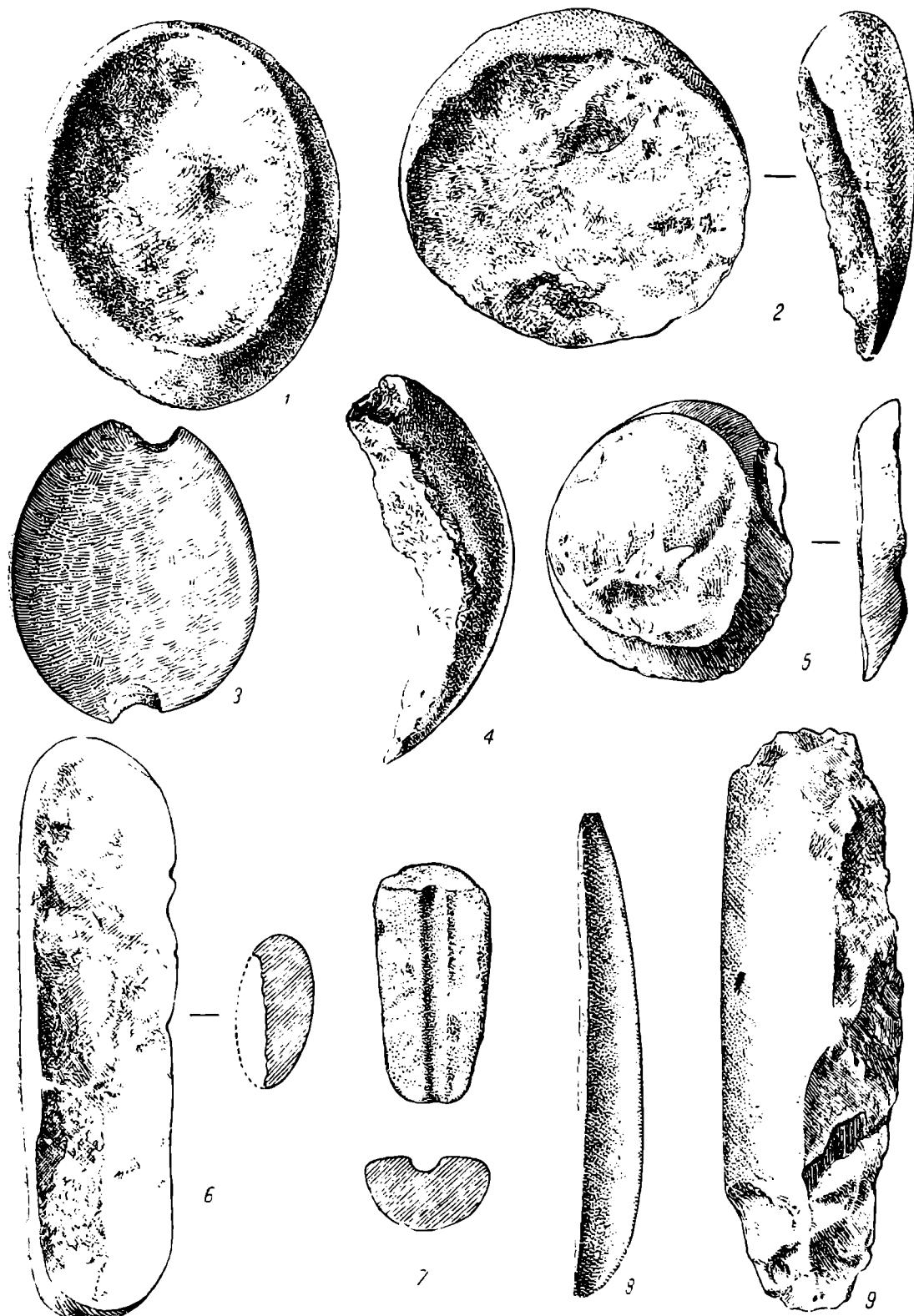

Табл. II. Селище Кистрик.

1 — блюдечная галька; 2, 6 — резаки; 3 — грузило; 4, 8 — мотыги; 5 — ломтик; 7 — концевой обломок шлифовального орудия из песчаника; 9 — вторичное орудие типа «пик». $\frac{1}{2}$ нат. вел.

варианте площадь скола, обращаемая в рабочую поверхность, получает удлиненно-овальную форму размерами от 6×12 до 8×15 см. Функция орудия — разминание, сплющивание и дробление ударами (рис. 3).

16. Рубанки и пластинчатые остроконечники. На Кистрике выявляются два типа орудий из галек, однородных по способу подготовки материала и по технике их изготовления. Слегка дугобразные спинки этих орудий представляют собой природную гладкую поверхность использованных галек. Брюшко — подправленная отеской поверхность основного скола, создавшего пластинку. Если прямолинейные края орудий обрабатывались сколами и отеской с таким расчетом, чтобы ширина пластинки сохранялась на всем ее протяжении, благодаря чему на одном или обоих концах сами собой создавались поперечные лезвия во всю ширину орудия, то получались «рубанки» (табл. IV, 1, 5). Заправленные в рукоятку подобно теслу, они могли использоваться как стругающие орудия, например, для зачистки и заглаживания деревянных изделий, причем орудие скользило по обрабатываемой поверхности своей спинкой. Средние размеры рубанков около 10 см длины, при ширине в 2.5—4 см. Имеются, однако, экземпляры до 15 см длиной, при ширине в 4.5 и толщине в 2.5 см.

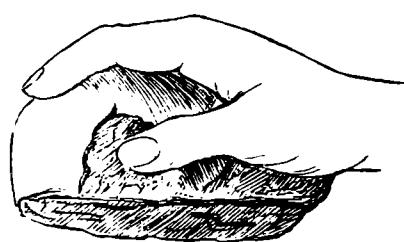

Рис. 3. Дробильник искусственной выделки в работе.

Если при отеске боков пластинки ее края примерно от середины начинали сближаться и доводились до смыкания в конце, то получался один из видов остроконечника, листовидного или узкоромбовидного, пригодного для изготовления копья или рогатины (табл. IV, 2, 4). Здесь также преследовалась цель хотя бы частичного снижения сопротивления в колющемся оружии. Длина этих остроконечников составляет от 8 до 12 см.

Общим признаком для обоих орудий остается их слегка изогнутая к брюшку форма.

По номенклатуре, предложенной Л. Н. Соловьевым для рубанков из энеолитического инвентаря Очамчирской стоянки (раздел III), лишь один из вариантов, именно второй тип рубрики б, несколько подходит к типу рубанка в моем определении, относящемся к кистрикским формам.¹

17. Орудия «пик», найденные на селище в количестве нескольких десятков, заслуживают особого внимания, так как присвоенное в литературе этим орудиям значение мотыг или кирок не исчерпывает вопроса. На основании кистрикского материала приходится говорить не об орудии-мотыге «пик», а об орудиях в технике «пик».

Характерной особенностью орудий сплошной обивки в этой технике является наличие у них двух пар волнистых основных линий, определяющих фронтальную и сагittalную плоскости орудий, причем вся система попеременных сколов, напоминающих контрударную технику, подчинена этим линиям.

Краевые фасетки этих орудий часто сочетаются с прямолинейными заломами, которые можно трактовать как следы вспомогательной стесывающей ретуши.

В некоторых экземплярах срединные линии широких боковых поверхностей недостаточно выражены или же смешены.

Несомненной мотыгой является орудие на табл. III, 4, дополняющее клиновидный вариант мотыг-горбушек (см. выше). Двусторонней моты-

¹ Л. Н. Соловьев. ук. соч., стр. 27—28.

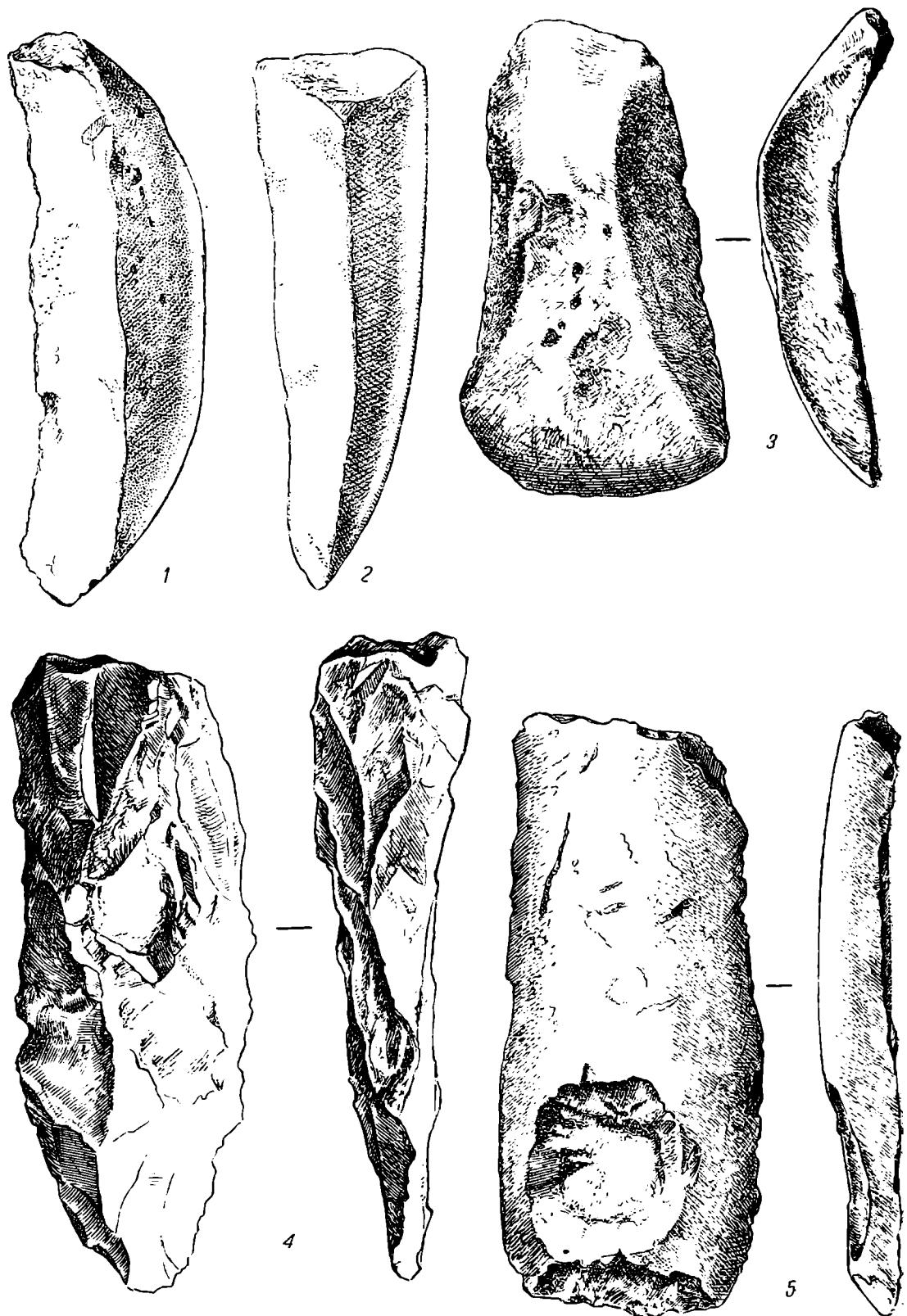

Табл. III. Селище Кистрик.

1—5 мотыги. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

гой можно считать и орудие, показанное на табл. IV, 3. В качестве кирки могло быть использовано орудие, показанное на табл. V, 4. Не подходящи для роли мотыги или кирки орудия, изображенные на табл. V, 1, 2, 5, а также 6, как по кривизне и форме своего тела, так и по сагитальному положению лезвий, явно рассчитанные на рубящее действие. «Пик», переделанный из разбитого в работе топора или клина (табл. II, 9), как и другие аналогичные экземпляры, имеет два рабочих конца и слишком массивен в поперечном сечении для выполнения роли мотыги.

Наконец, самое малое миндалевидное орудие разбираемой группы размерами $5 \times 3 \times 1.7$ см, однородное с крупными экземплярами не только по технике, но и по материалу, никак не может служить киркой или мотыгой. Из состава мотыг и кирок в технике «пик» должны быть выделены также большой бурав (табл. XII, 7) и остроконечники листовидного контура (табл. XII, 6), упоминаемые далее, в разделе кремневых орудий.

Надо надеяться, что дальнейшее накопление материала позволит внести ясность и в этот вопрос.

Одно несомненно, что собранные на селище орудия в технике «пик» (за исключением бурава и листовидных остроконечников), изготовленные преимущественно из той же твердой зеленокаменной породы, что и топоры, или из кремня, относятся к группе ударных орудий.

Отдаленное подтверждение рубящего действия дают общие контуры некоторых экземпляров, напоминающие несколько изогнутые в сагиттальной плоскости тела позднейших медных топоров (табл. V, 1).

18. Круговые зернотерки. Многие лежавшие на селище булыжники кристаллических пород, формой и размерами напоминавшие удлиненные или округлые ковриги хлеба, с плоской стороны оказались прямолинейно отесанными и подвергнутыми точечной оббивке. При неподвижной установке одного такого камня плоскостью вверх и покрытии его вторым камнем плоскостью вниз получалась примитивная мельница двуручного действия, являющаяся прототипом еще бытующей у коренного населения Абхазии ручной мельницы.

Таким образом, перед нами жернова, многие из которых, наряду с более крупными булыжниками, за исключением годами унесены с селища и использованы окрестными жителями для строительных и хозяйственных нужд. Размером эти жернова около 20–21 см в поперечнике, при толщине до 14 см. Движение их было круговым иначе в результате длительного трения имела бы место неравномерная сношенность трущих плоскостей (рис. 4).

19. Продольные терки с вальковым курантом. Ширина нижнего камня 18, 22, 24 см, при приблизительно двойной длине и толщине от 4 до 6 см. Рабочая поверхность мелко оббита и зашлифована. Куранты вальковидные, приблизительно овальные в сечении.

Выделка курантов необычайно тщательна; они сплошь шлифованы и строго симметричны. Для более удобного держания руками концы у большинства курантов слегка загнуты книзу. Длина их 24, 28, 36 см, при наибольшем диаметре сечения в 6.5–8 см.

На использованных экземплярах в процессе снашивания образуется в той или иной мере вогнутая поверхность, к тому же еще и скругленная по длинным краям камня.

Куранты, очевидно в силу трудности их изготовления, использовались до возможного предела, как это показано на табл. I, 4, где также отчетливо виден вторичный валик, обусловленный снашиванием нижнего камня.

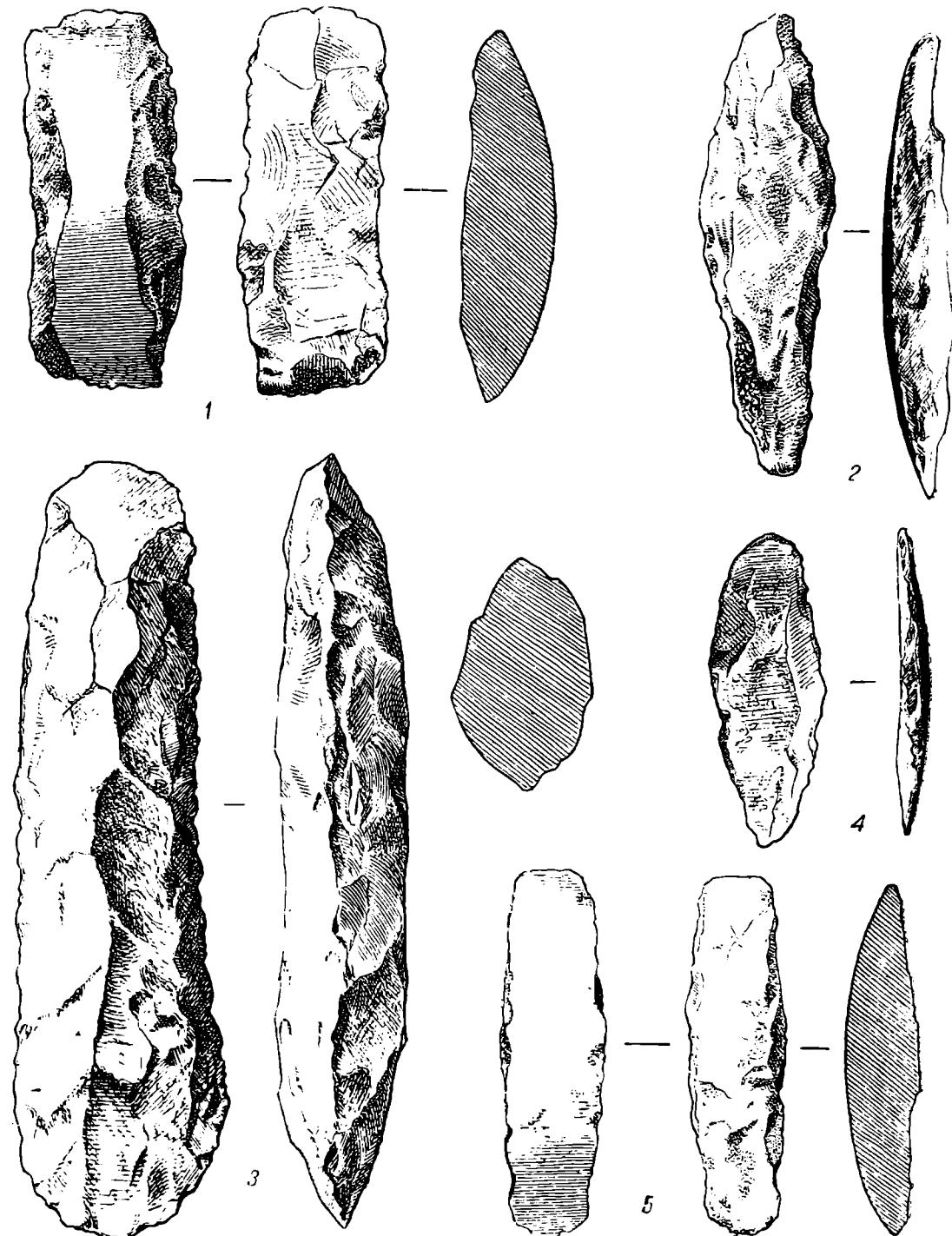

Табл. IV. Селище Кистрик.

1, 5 — рубанки; 2, 4 — остроконечники; 3 — орудие в технике «шник». $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Имеется вариант курантов, быть может древнейший, менее совершенный, с использованием для его изготовления природных длинных пластинчатых галек. В этом случае сечение несношенного орудия должно было быть уплощенным, близким к вытянутому прямоугольнику.

Продольные терки в неизменном виде бытуют вплоть до конца эпохи бронзы, т. е. наряду с бронзой Кобано-колхской культуры и, повидимому, даже позднее.¹

Рис. 4. Круговые зернотерки и валуны естественных форм со следами использования их в работе.

20. Тесла по технической структуре представляют собой топоры среднего размера, у которых одна щека выпуклая, а другая плоская. Расширяющееся лезвие, слабо дугообразное, смешено на плоскую сторону. Средний размер 11 см длины и 4,5—5 см ширины у рабочего конца

¹ А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии Тр. отд. ист. первобытной культ., I, Л., Гос. Эрмитаж, 1941, стр. 27 и табл. 1.

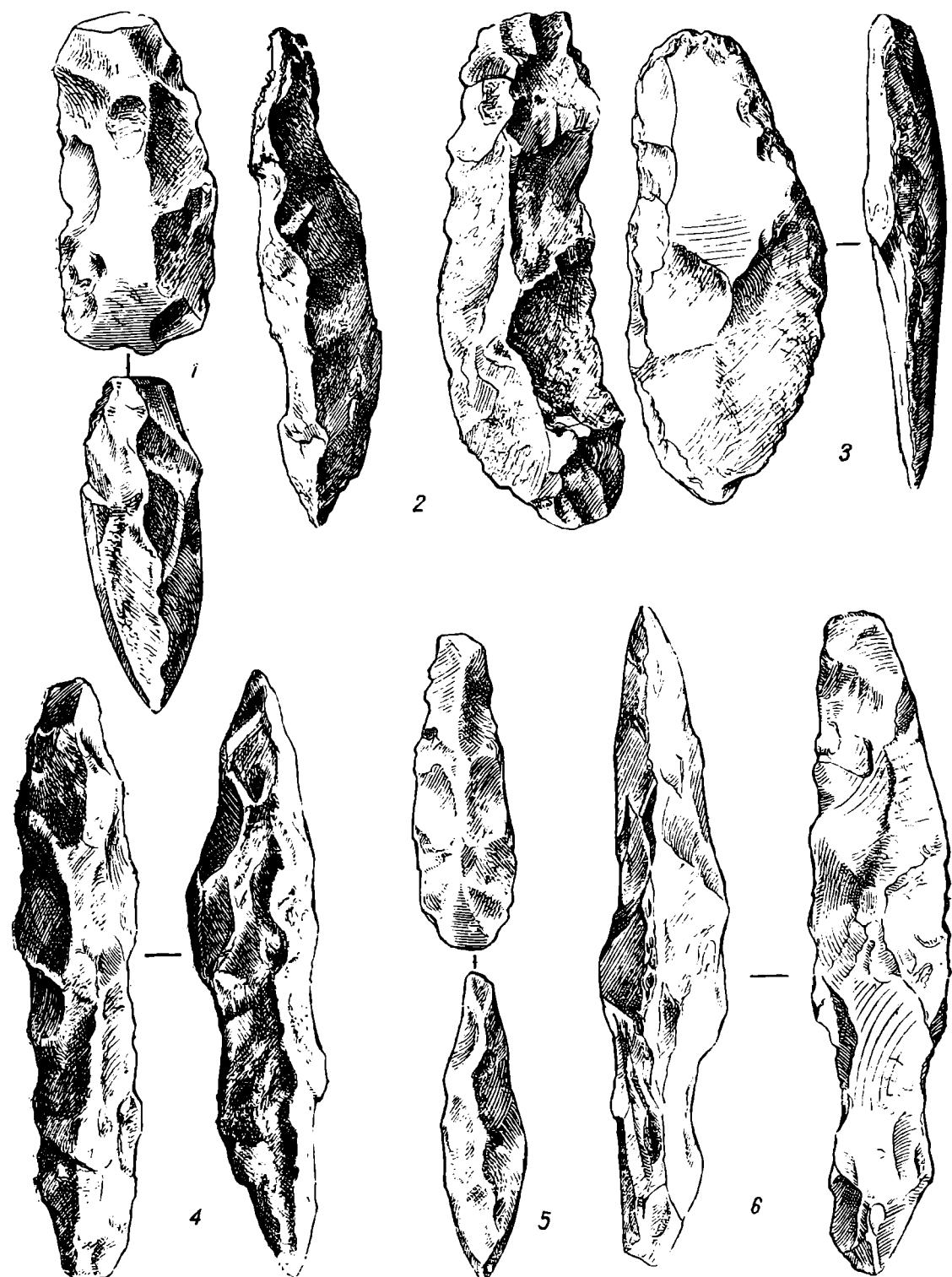

Табл. V. Селище Кистрик.

1, 2, 4—6 — орудия в технике «пик»; 3 — нож. $\frac{1}{2}$ nat. vel.

(табл. VI, 5, 6). Вариант тех же размеров, со срединным положением лезвия, отличается малой толщиной стройного клиновидного тела и встречен в одном случае. Тесла частично или полностью ошлифованы. Единичный экземпляр из твердой зернистой породы (табл. VI, 4) шлифовки не имеет.

Намечающаяся группа мелких тесловидных орудий еще недостаточно выявлена.

21. Стамески представлены двумя разновидностями: типом высоких равнобедренных треугольников с усеченной вершиной, несущих у основания выщуклой спинки широкую фаску, заканчивающуюся лезвием (табл. VI, 2, 7), и типом плоских, с обеих поверхностей равномерной толщины пластинок с параллельными краями, также переходящих с конца в одностороннее, плавно скошенное лезвие (табл. VI, 1, 3).

Все стамески очень твердого материала и, за малыми исключениями (недоделки?), почти сплошь ошлифованы. Длина их колеблется в пределах от 5 до 11 см, ширина лезвий — от 12 до 40 мм. Для работы они должны были заправляться в рукоятки. К первому типу примыкает экземпляр с дугообразным, слегка желобчатым лезвием, вогнутостью обращенным к спинке.

22. Топоры из галек — ведущие орудия селища, хорошо представленные количественно, притом в большом разнообразии типов. Подробное описание этих типов излишне, так как они, за некоторыми исключениями, хорошо известны в археологической литературе. Материал топоров — преимущественно твердая зеленокаменная порода и, в немногих случаях, другие изверженные или крепкие осадочные породы.

Все без исключения топоры частично или полностью ошлифованы; проушин нет. Размеры колеблются по длине от 9 до 18.5 см, по ширине от 3 до 7.5 см. Самые малые топорики в этот обмер не включены.

Среди собранного материала выявлены следующие типы топоров: а) вальковые, б) двусторонне-выпуклые толстые, в) двусторонне-выпуклые, основного типа, г) двусторонне-выпуклые, укороченного типа, д) тип со сходящимися к лезвию краями, е) плоские топоры, ж) долотообразные топоры (1 экз.), з) топорики уменьшенного размера (средние), и) малые топорики, к) уменьшенный (средний) топор с односторонним выпукло-дуговым лезвием, л) топор-колун.

Эволюция топора, по кистрикским материалам, в общих чертах представляется в следующем виде: типологически древнейший на селище вальковый топор (табл. VII, 5), сохраняя толщину и тупой обух, начинает расширяться в своей лезвийной части и дает ряд переходных форм. Сформировавшийся указанным путем двусторонне-выпуклый топор толстого типа (табл. VII, 4 и рис. 5, контур 5) в дальнейшем становится менее выпуклым и увеличивается в общих размерах; края и обух топора приобретают заостренность и сливаются в одну линию. Гнездовое крепление заменяется креплением топора в обхват. Орудие начинает варьировать; с одной стороны оно достигает предельных размеров и притупленно-долматообразных очертаний обоих концов (рис. 5, контур 1). Вводится шлифование боковых краев топора для образования прямолинейной фаски шириной в 3—6 мм, облегчающей заправку топора в сквозную проушину рукоятки и скольжение краев при работе (табл. VII, 2 и рис. 5, контур 2).

Другой вариант, также снабженный краевыми фасками, удерживается на средних размерах, иногда сохраняя тупой обушок, и дает разновидность с краями, параллельными или сближающимися от середины топора к лезвию (рис. 5, контур 6).

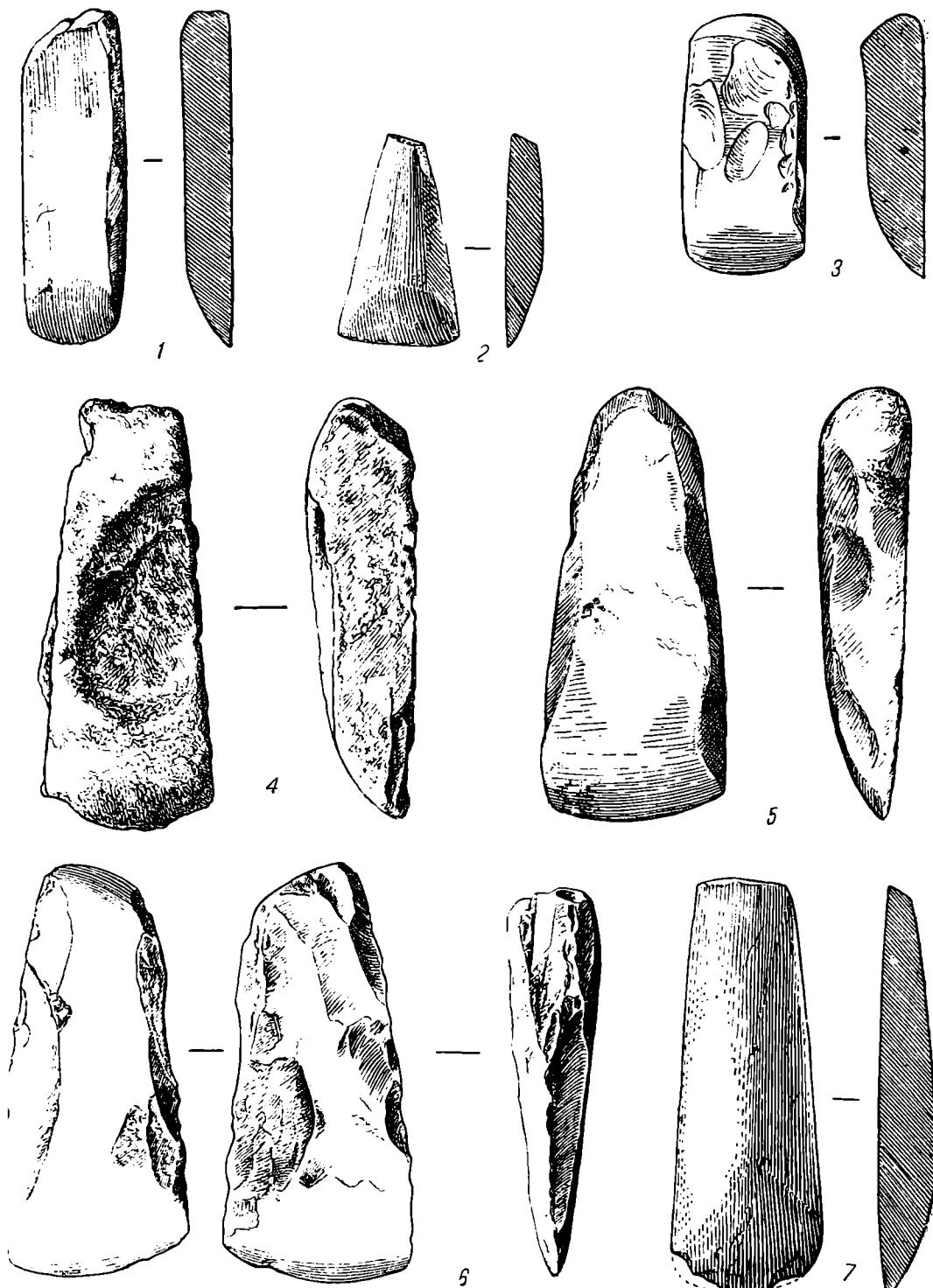

Табл. VI. Селище Кистрик.

1—2, 3, 7 — стамески; 4—6 — тесла. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Описанные варианты, соответствующие контурам 1, 2, 3, 4, 6 (рис. 5), и составляют группу топоров двусторонне-выпуклых основного типа, представляя ныне одну из основных категорий вещевого комплекса на Кистрике.

С этими формами сосуществуют двусторонне-выпуклые топоры укороченного типа, иногда подправленные фаской, но удерживающие тупой обух и, очевидно, гнездовое крепление (табл. VIII, 5).

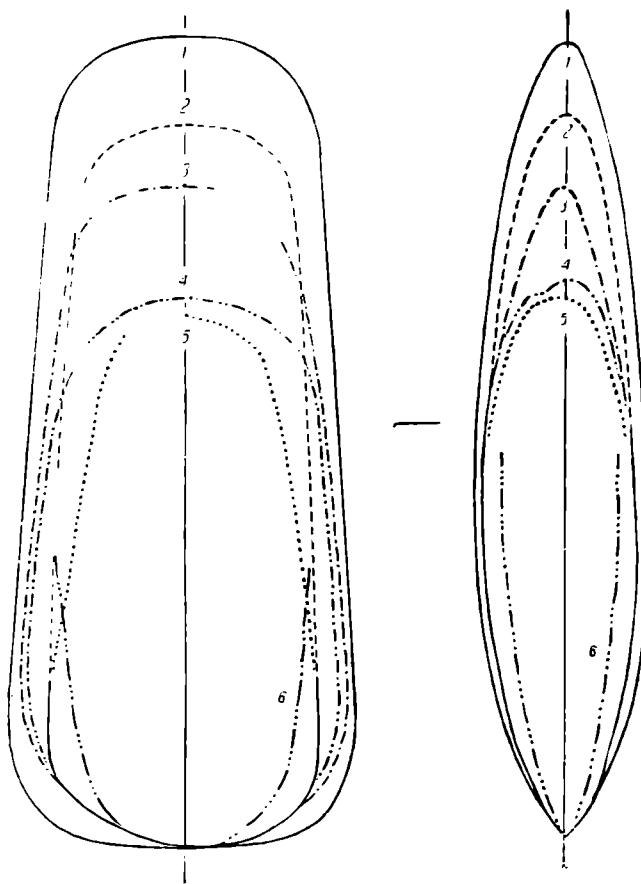

Рис. 5. Сопоставление контуров двусторонне-выпуклых кистрикских топоров из галек. $1/2$ nat. вел.

(табл. IX, 3) и такие специализированные орудия, как среднего размера топорик с дугообразным боковым лезвием и высокой фаской с брюшком, необычайно правильной формы, сплошь шлифованный (табл. VIII, 2).

Мы остановились на схеме развития этой группы, так как именно на топорах Кистрика ход развития орудий из гальки выступает всего нагляднее.

Того или иного характера развитие присуще, конечно, и другим категориям кистрикских орудий из галек, но представляющий их в сборах материал недостаточно выразителен.

Намеченный перечень типов каменных топоров является условным, но необходимым для ориентировки впередь до выявления новых материалов.

При внешнем знакомстве с собранием кистрикских топоров бросается в глаза разнообразие их форм и размеров. Ближайшее изучение этих форм сводит все это разнообразие к небольшим вариациям пропорций, показывая стойкость и единство плоскостного контура для всех основ-

Дальнейшее развитие форм топоров определяется, с одной стороны, стремлением снизить их толщину, в результате чего появляются уплощенные экземпляры контура 6 (рис. 5) и новый тип плоского топора (табл. VII, 1, 3), а с другой — стремлением усилить раскалывающую и ударную силу орудия; получается тяжеловесный шлифованный колун с прямоугольной площадкой свободного обуха и начатком сверленой круглой проушины (табл. VIII, 1).

Попутно, с развитием основных форм, в процессе приведения свойств орудий в большее соответствие с усложнявшимися требованиями к их техническим функциям, возникали дополнительные типы топоров. Таковы долотообразные топоры (табл. IX, 1), топоры уменьшенного типа (средние) длиной в 9—10 см (табл. VIII, 4; табл. IX, 4), малые топорики длиной всего в 5.5 см, при ширине в 25—28 мм

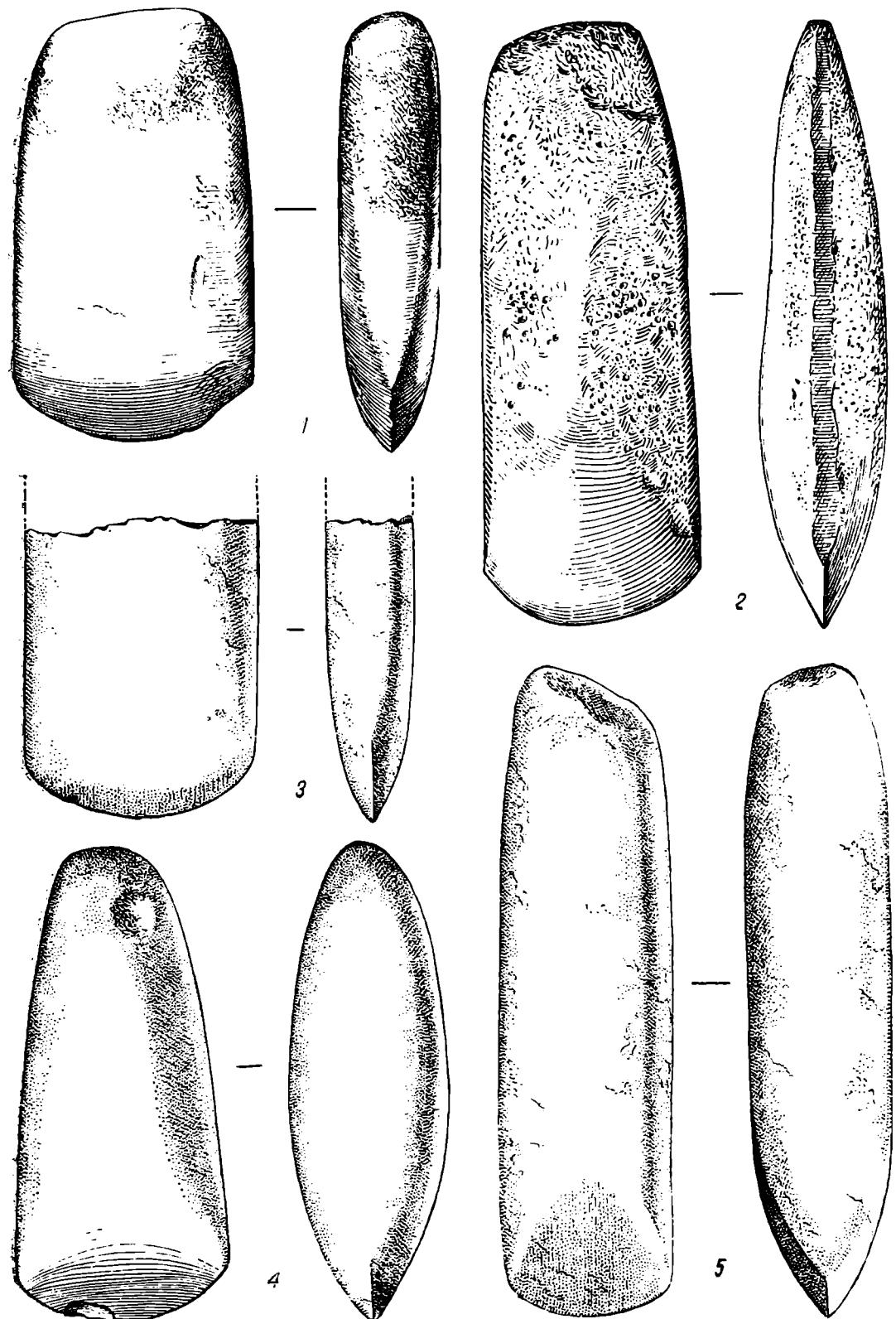

Табл. VII. Селище Кистрик.

1—5 — топоры (5 — реконструкция по обломкам). $\frac{1}{2}$ нат. вел.

ных типов, кроме валькового топора. Плоскостной контур колуна полностью сливается с общей схемой.

Еще разительнее совпадение профилей топоров указанных типов, определяющее наиболее полезную форму каменного клина на известной стадии производственного развития (рис. 5), причем даже вальковый топор оказывается подчиненным этой закономерности. Зато здесь клин колуна расширяется в верхней своей части за счет увеличения веса орудия.

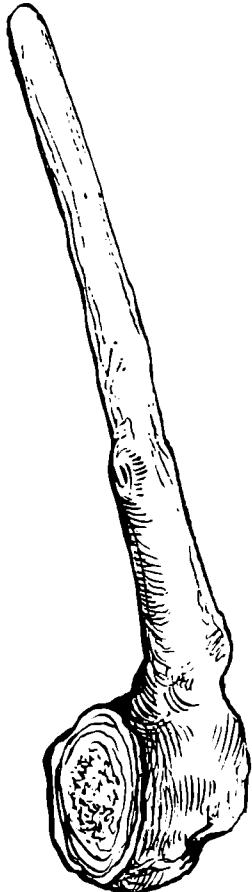

Рис. 6. Пережиточно бытующий у абхазов деревянный молот для битья по клиньям. Приблизительно, $\frac{1}{10}$ нат. вел.

24. Из числа орудий из галек, представленных одиночными экземплярами, необходимо обратить внимание на нож из сланца. Сработан он из отщепа гальки, сохранившего с одной стороны природную шлифовку. «Ручка» слегка утолщена и подправлена для удобного держания орудия в руке. Лезвийная часть укороченно-листовидной формы уплощена широкими сколами и по краям несет следы работы. Длина 12.5 см, наибольшая ширина 5 см. Рукоять занимает почти половину длины ножа (табл. V, 3).

25. Орудия неизвестного назначения. Сюда относятся крупные природные гальки и булыжники твердых пород, разных размеров и форм, со следами работы (выбоинами, стертостью и т. п.), затем плоские булыжники с углубленной, но ошлифованной до блеска поверхностью (рис. 4), отщепы различных размеров и очертаний: пла-

Подобное совпадение профилей позволяет нам наметить три фазы эволюции этого орудия для Кистрика: начальную фазу валькового топора (с древнейшей керамикой и малой территорией поселка); длительную фазу варьирующих двусторонне-выщуклых топоров (с развивающейся гребенчатой керамикой) и заключительную фазу плоских топоров и колуна со сверлиной.

23. Клинья из галек — орудия, по размерам и форме очень напоминающие топоры. Они также ошлифованы, имеют краевые фаски и не имеют проуха. Узкие концы клиньев, соответствующие обушиной части топоров, обработаны несколько тщательнее, и фаска обычно доведена до конца. Утолщенная часть клина переходит, плавно закругляясь, в воспринимающую удары овальную площадку размерами, приблизительно, 2.5—3.5—4 см (табл. VIII, 3). Боковые фаски выдают относительное время появления этих клиньев, имевших, надо думать, менее оформленных предшественников.

Описываемые клинья являются группой наиболее разрушенных орудий, причем в работе преимущественно страдала головка клина.

Главная функция орудия — это, вероятно, приготовление с его помощью колотых досок-плах.

У местного абхазского населения до сих пор бытует так называемый аласаг. Это деревянный молот, состоящий из отрезка нетолстого ствола и отходящей от него ветви, обращенной в рукоять. Плохо скользящей торцевой поверхностью этого примитивного молота бьют по деревянным и железным клиньям при заготовке дров и досок (рис. 6). Можно полагать, что сходное простое орудие для указанной надобности использовал и человек неолита.

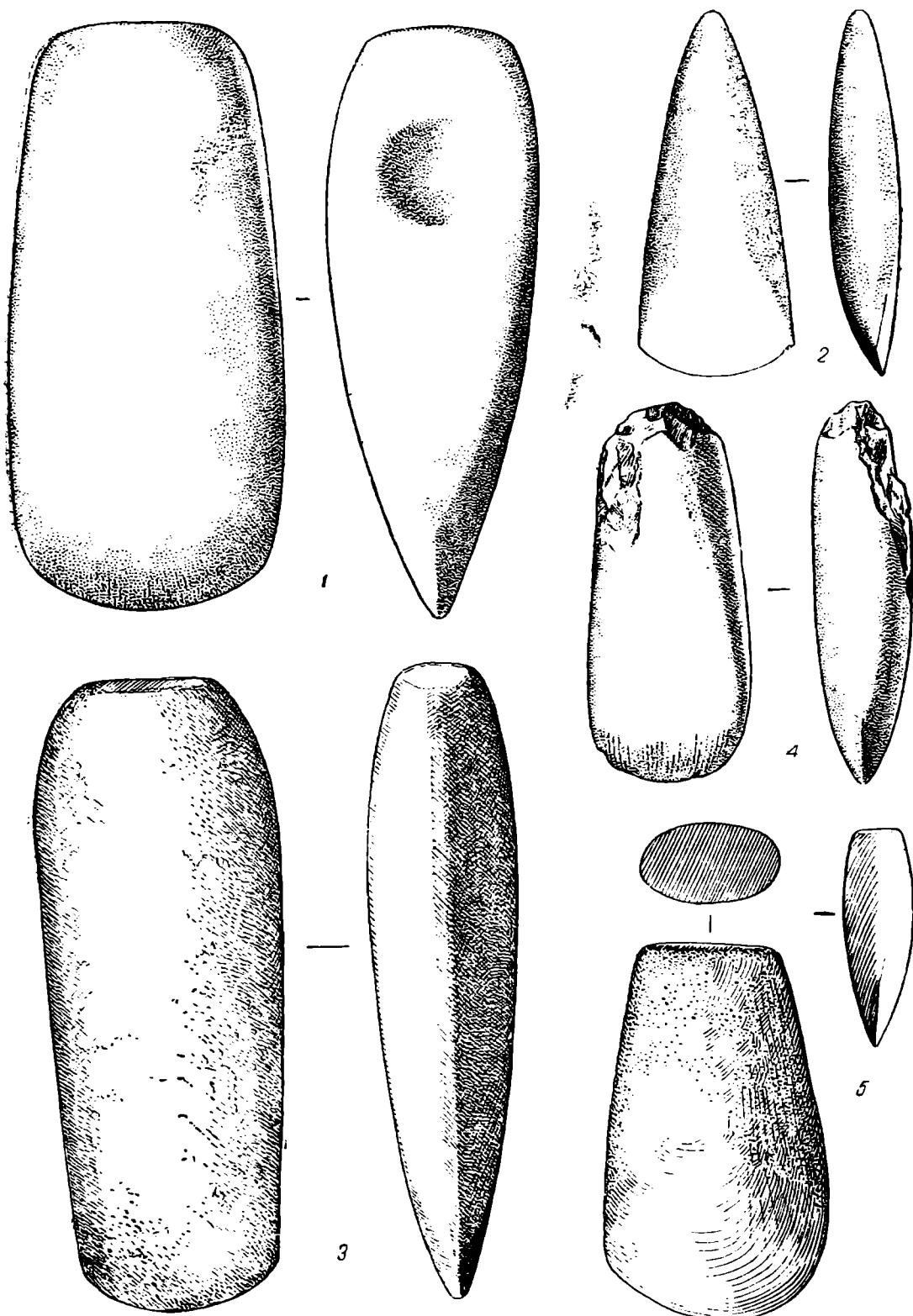

Табл. VIII. Селище Кистрик (2 найден вне селища).

1 — топор-колун; 2, 4, 5 — топоры; 3 — клин (реконструкция по обломкам).
 $\frac{1}{2}$ нат. вел.; 5 — профиль, $\frac{1}{4}$ нат. вел. !

стинчатые, остроконечные и др., а также отдельные обработанные орудия не определившихся еще типов.

Былое применение всего этого материала в работе не подлежит сомнению, но подлинные функции отдельных единиц гадательны.

26. **Обломки орудий неизвестных форм.** Речь идет о разрозненных фрагментах оббитых или шлифованных орудий, не дающих, однако, представления о вещи в целом. Был обнаружен и сохранен слегка подшлифованный ничего не говорящий обломок узкой и плоской гальки. Через два года было найдено дополнение к этому обломку: получился удлиненный долотообразный топор — единственный для селища экземпляр. Таким же порядком составился точильный бруск из трех частей. В коллекции сохраняются оригинальной формы обломки нескольких крупных орудий, общий вид которых по этим обломкам установить не удается.

27. **Вторичные орудия,** изготовленные из разрушенных орудий. Изучение остатков орудий из галек показывает, что человек не щадил их и работал ими с полным напряжением. Так, например, топоры не только теряли части лезвия или обуха, но иногда разламывались поперек и даже раскалывались по плоскости вдоль. Но человек неолита с трудом расставался со своим даже искалеченным топором. Соответственно характеру поломки или повреждения он подтачивал или вновь перетачивал его, или выравнивал лезвие оббивкой. Если пострадавшей частью был обух, топор оббивкой укорачивался и вновь заправлялся в ручку (табл. IX, 2). Если лезвийная часть топора не могла быть в каком-либо виде восстановлена, топор обращался в тупой односторонний, иногда и двусторонний молот или в клин, путем обращения лезвийной части в обушную. В частности, в этом обстоятельстве кроется трудность различия сношенных в работе топоров и клиньев, тем более, что бывали и обратные случаи переделки поврежденного клина в топор уменьшенного размера.

При боковом повреждении топор становился орудием в технике «пик» с частичной или почти полной переделкой его поверхности (табл. II, 9). Это позволяет нам с достоверностью установить единовременность бытования на Кистрике этих двух форм. Такое положение, как известно, отмечено и для других местонахождений неолита.

Естественно, что переделки касались и других орудий, менее выразительных, причем иногда вовсе терялась характеристика исходного типа и возникали как бы новые, искусственные, а по существу вынужденные формы.

Попутно упомяну, что каменные орудия селища, в меру устойчивости пород, из которых они сделаны, подвергаются и естественному разрушению; многие из них, лежа в земле, приобретают расплывчатые контуры, выщелачиваются почти до неузнаваемости или раскалываются в самых неожиданных направлениях по плоскостям слоистости.

Замечание о выщелачивании в особенности относится к твердой зеленокаменной породе, преимущественно шедшей на изготовление топоров, клиньев и орудий в технике «пик». Предельно устойчивая механически, эта порода оказалась достаточно податливой разрушительному влиянию почвенных агентов.

Естественный процесс раскалывания по плоскостям затрагивает, как уже указывалось, и необработанные гальки-заготовки. Получаются, таким образом, резаки круговые, резаки скошенные, горбушки с прямыми или дугообразными сколами (но без усеченной пятки!), наискось расколовшиеся плоские длинные гальки и т. д., причем *in situ* обе разделившиеся части обычно еще прилегают одна к другой. Создается как бы

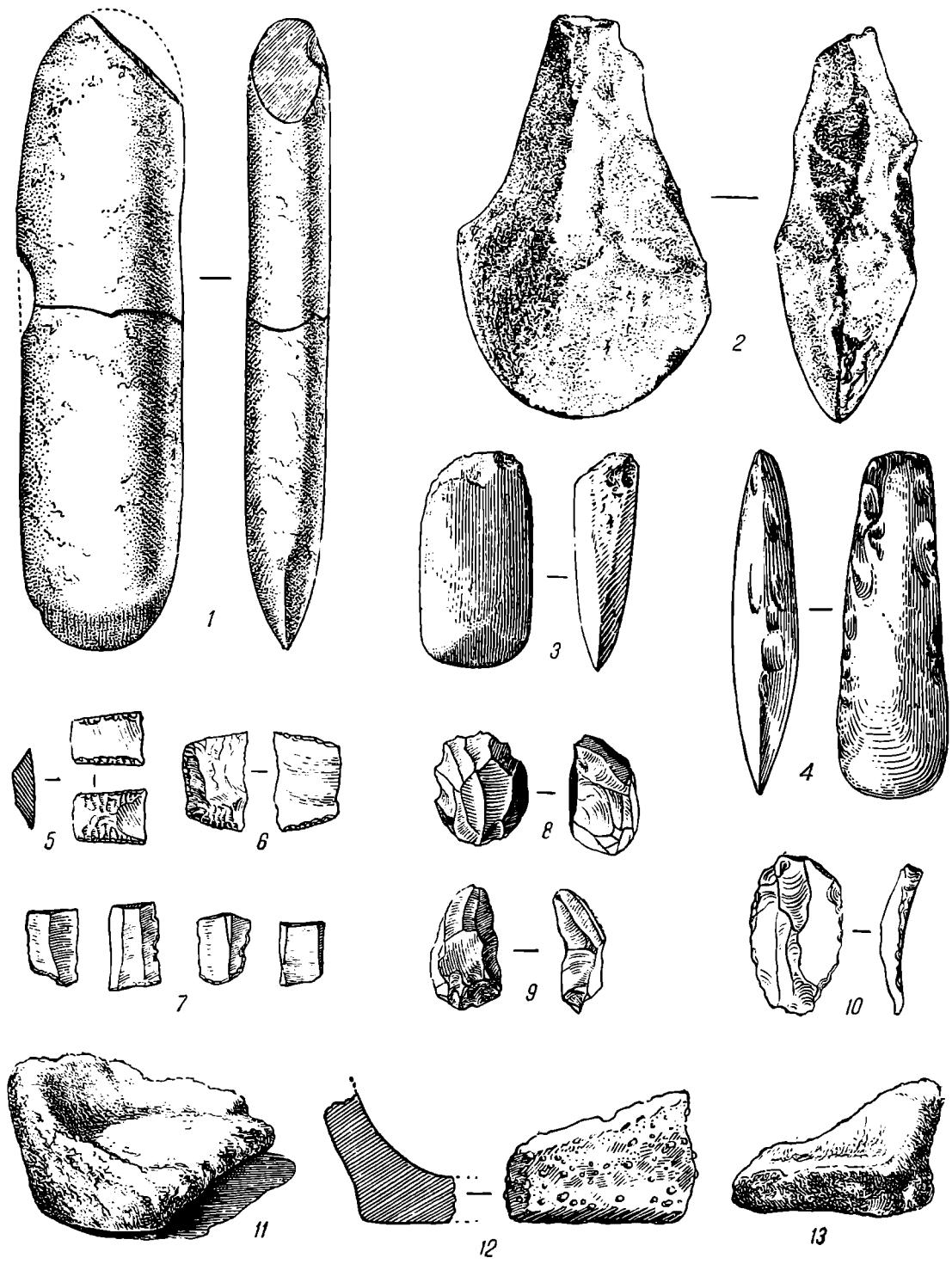

Табл. IX. Селище Кистрик.

1, 3, 4 — топоры; 2 — вторичное орудие (топор); 5—7 — микролиты; 8—10 — скребки;
11—13 — фрагменты донцев глиняных сосудов. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

группа ложных орудий, правда с очень небольшим количеством входящих в нее единиц.

28. **Фигурные камни** — мелкие, очень твердые гальки в виде полулуний, полых цилиндров, столбиков, шариков, округленных по краю мелких пластинок, яйцевидных камней и чашечек — привлекали внимание человека как материал для хозяйственных нужд или с целью удовлетворения эстетических и культовых потребностей (талисманы, подвески и т. п.).

29. Имеются в отложениях Кистрика и «самоцветы». Это собранные на взморье мелкие гальки близкой к сердолику породы, а также окатанные небольшие куски яшмы темно-красного цвета. Все они найдены выщажанными с глубины, по несколько штук вместе.

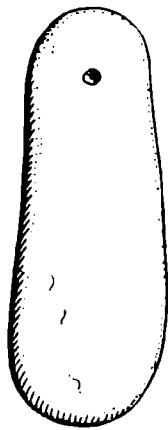

Рис. 7. Плоская, тонкая галька, начатая сверлением. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

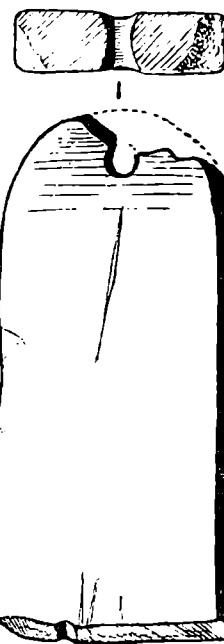

Рис. 8. Точильный бруск со следами применения его в работе. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

Характерен интерес к сердолику, который позднее мы встречаем здесь же в Абхазии, в кобано-колхских погребениях в виде слабо ошлифованных и просверленных бус.

30. Наряду с фигурными камнями внимание жителей древнего поселка привлекали также гальки с природными отверстиями, но опыты сверления камня человеком обнаруживаются лишь на заключительном этапе существования поселка.

Среди собранного за 6 лет материала имеется всего лишь 4 следующих образца сверления: 1) маленькая, удлиненная и плоская галька с начатым сверлением (рис. 7); 2) бруск точильный со сквозным отверстием (рис. 8); 3) галька в виде слабо конического прядлища и 4) топор-колун, широкообушный, с начатой сверлением проушиной. Сверление бруска и прядлища осуществлено трехгранным кремневым стержнем, причем встречные конические отверстия в каждом объекте доходят с обеих сторон до половинной его толщины. Одна из половинок канала в прядлище несет следы трех последовательно уменьшавшихся калибров сверл.

Описанные сверленые образцы имеют своих предшественников в виде отдельных камней со следами настойчивых попыток добиться получения сквозного отверстия путем глубокой обшивки двух встречных ямок.

* * *

По вопросу о числовом соотношении различных типов орудий из галек на селище можно пока лишь отметить, что наиболее богато представленными группами являются грузила, резаки, мотыги и топоры.

Следы стоянок неясного возраста с орудиями из гальки обнаруживались в Абхазии, в частности в прибрежной ее полосе, неоднократно и частично отмечены в цитированной работе открывшего большинство этих стоянок Л. Н. Соловьева.

Из датированных стоянок территориально ближайшей аналогией для неолитического селища Кистрик, по ряду типичных орудий из галек, является энеолитическое селище Очамчирского порта. Судя по описанию и рисункам, тождественными орудиями, кроме уже упомянутых выше грузил, являются резаки всех типов, «долота», ломтики, остроконечники, часть мотыг, каменные шары, песты, терки.¹ Все это — орудия из группы наименее подвижных, в смысле изменчивости форм, в силу того, что на протяжении нескольких исторических периодов они вполне соответствовали наиболее примитивным хозяйственным и производственным потребностям родового общества. Отсюда отсутствие самостоятельного датирующего значения этих орудий.

Такими же пережиточными орудиями представлены изделия из галек на стоянках абхазского побережья с тканевой (текстильной) керамикой,² датируемые бронзовым веком.³ Известны, наконец, находки обработанных галек на южном Кавказе, также не поддающихся датировке. Такое положение говорит о необходимости усиления работы по параллельному выявлению функций и форм орудий из галек для всех этапов развития местного родового общества.

Этим путем мы сможем подойти к хронологической классификации группы «немых» орудий и значительно облегчить разрешение связанных с ними вопросов.

Со стороны исследователей западной Грузии первым шагом в сторону такого направления работы было бы установление объединенными усилиями единой, наиболее соответствующей номенклатуры для тех орудий из галек, тип которых в районе Абхазии «прослеживается в ряде более поздних и более ранних стоянок и селищ»,⁴ начиная «от Тарденуаза (Цебельда, Холодный грот) до Кобани».⁵

На этом заканчиваю обзор орудий из валунов и гальки.

Минералы и метаморфы. Наряду с доставкой в свой поселок булыжников и галек различных пород, еще подлежащих петрографическому определению, жители Кистрика приносили с собой также образцы гагата, черной слюды, крупнопористой пемзы, а также куски окаменелого дерева и даже самородки железа и свинца, к факту использования которого мы вернемся в дальнейшем изложении.

Одни из этих материалов шли на производственные нужды, другие — как объекты любопытства подвергались примитивному изучению и испытаниям, расширяя таким путем материальную и техническую базы коллектива.

Роль кремневых орудий в хозяйстве обитателей селища Кистрик огромна, и относящиеся сюда формы, наряду с орудиями из

¹ Л. Н. Соловьев, ук. соч., стр. 25—31.

² Там же, стр. 46—47.

³ Л. Н. Соловьев. Новые данные о бронзовом веке в Абхазии. Сов. Абхазия, № 4 от 5 января 1947.

⁴ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 50.

гальки, составляют очень характерную часть всего вещевого комплекса. Многочисленные кремневые отщепы, законченные орудия и микролиты рассеяны по всей территории селища и являются наиболее заметным показателем в определении его границ. В кремневом материале Кистрика представлены все разновидности кремня, известные в районе Гудаут; изделия представлены в одинаковой мере как макролитами, так и микролитическими образцами.

Немало крупных желваков принесенного кремня обнаруживается на самом селище. Много желваков лежит среди галечника на соседнем взморье и еще больше кремня можно получить в окрестности, в зоне обнажений древних горных пород. Имеющаяся коллекция разновидностей кремня, встреченных на селище, содержит 85 образцов различной окраски, от молочно-белой, до черной. Таким образом, то разделение функций между орудиями из гальки и из кремня, которое наблюдается на селище, обусловлено было исключительно потребностями хозяйства общины, а не состоянием сырьевых запасов.

Основную задачу в отношении кремневых изделий составляла бы функционально-типологическая систематизация их с последующим сравнительным изучением всего комплекса для возможно более точного определения этапов производственного развития, пройденных населением древнейшего приморского поселка. Но для осуществления этой цели у нас недостает раскопочного материала, стратиграфически обоснованного.

В соответствии с приведенными соображениями мы ограничимся перечнем имеющихся типов и обратим особое внимание на морфологические особенности лишь тех орудий, которые говорят о наших локальных отличиях.

Достаточно бросить беглый взгляд на изображения микролитов с ретушированными спинками (табл. IX, 5, 6 и табл. XI) и добавить сюда еще микролиты, не ретушированные, в их числе по преимуществу полученные дроблением ножевидных пластинок на правильные части (табл. IX, 7 и XI, 10, 20, 40), чтобы оценить полноту и разнообразие всего ассортимента. Дуговые края сегментовидных микролитов в большинстве случаев значительно утолщены.

Из микролитических орудий можно отметить очень тонкую пластинку с ретушированным поперечным косым сколом (табл. XI, 12), миниатюрное скребло (табл. XI, 50), круговой скребок (табл. XI, 46) и еще меньший скребок (табл. XI, 22), трехгранные сверла (табл. XI, 43, 44, 48). Редкие формы представляют собой трапециевидный удлиненный микролит (табл. XI, 30), асимметричный (табл. XI, 20), а также прямоугольный (табл. XI, 1, 2). Отжимной ретушью подправлены даже №№ 17 и 5, изображенные на той же таблице. Встречаются и нуклеусы миниатюрных размеров. Пластинки №№ 51 и 52 табл. XI—обсидиановые.

Макролитический материал представлен нуклеусами, коническими и призматическими (табл. X, 6, 17); встречаются также формы дисковидные и неправильные. О кремневых отбойниках (табл. X, 18) уже упоминалось. Имеются нуклевидные орудия, преимущественно короткие долота, прямые и желобчатые (табл. X, 5). Характерно, что корка с кремней при выделке орудий не снималась; она часто входит в состав их поверхности. Ножевидные пластинки многочисленны, и размер их разнообразен — от очень грубых, крупных пластин до мельчайших. Предельная длина пластин составляет около 9.5 см, ширина их также разнообразна, доходя у сохраняющих полную типичность экземпляров до 32 мм (табл. X, 1). Преобладающий, характерный для Кистрика размер пластин лежит между величинами, данными в табл. X, 4 и 2, т. е. между 4.5 и 8 см. Обильно представлены орудия, сработанные на пла-

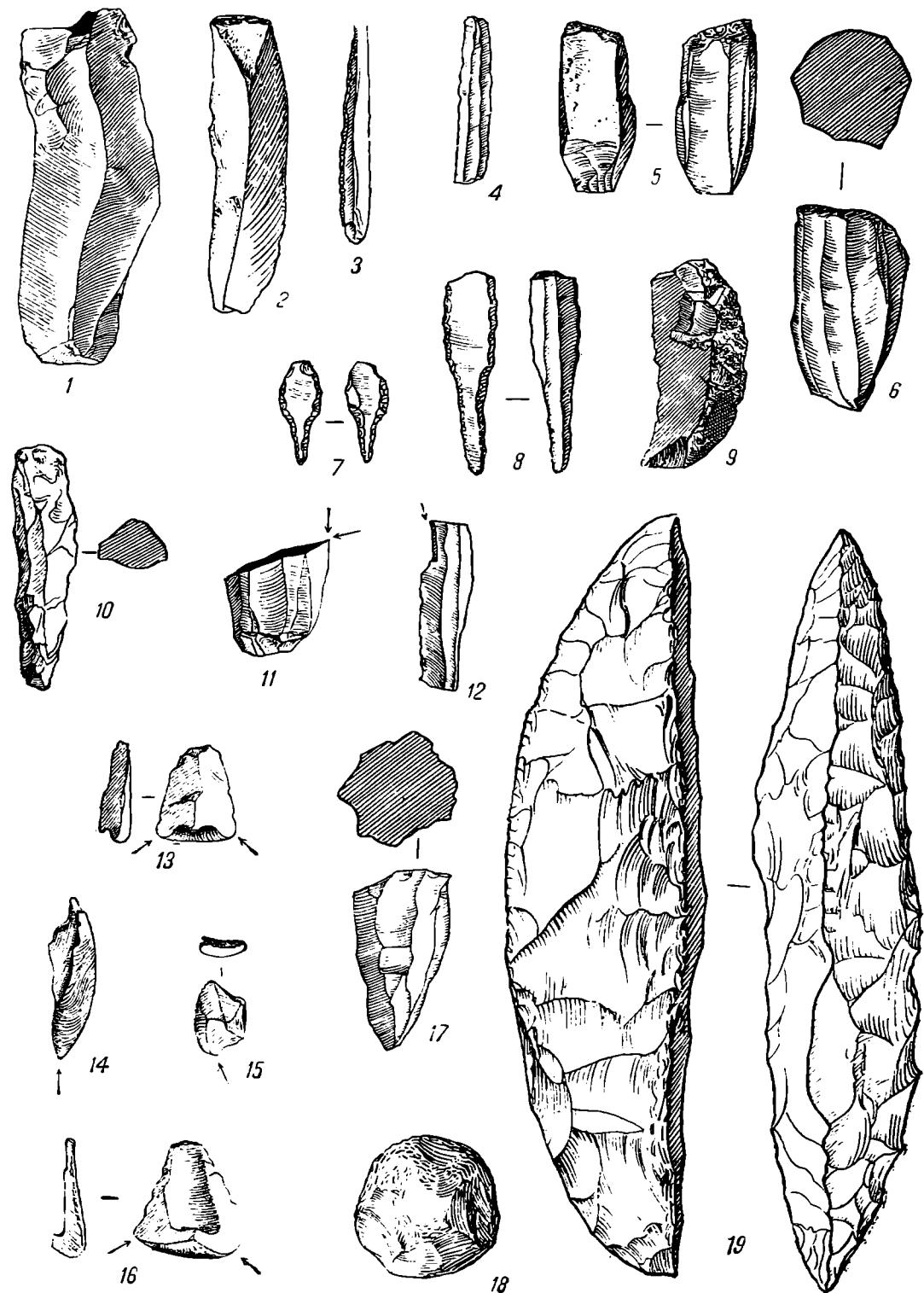

Табл. X. Селище Кистрик. Кремневый инвентарь.

1—4 — пластины; 5 — нуклевидное долото; 6, 17 — нуклеусы; 7, 8 — проколки; 9 — нож;
10 — сверло; 11, 12 — резцы боковые; 13—16 — резцы «на волнах»; 18 — отбойник; 19 — крем-
невое орудие. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

стинках; тут и разнообразные боковые (табл. X, 12) и серединные резцы с ретушью и без таковой, концевые скребки, пластинки с боковыми выемками, пластинки с ретушью всего края (табл. X, 3) или только лишь скошенного конца. Проколки разнообразных форм (табл. X, 7, 8), иногда в виде комбинированных орудий, например в сочетании с концевым скребком, боковой выемкой по одному краю и режущим или скребущим лезвием по другому. Дальше, на отщепах, идут скобели, скребла, скребки боковые и круглые (табл. IX, 10), килевидные скребки (табл. IX, 8, 9), буравчики. Резцы на отщепах представлены угловыми (табл. X, 11, 12), клювовидными и полиэдрическими формами.

Среди кремневого материала выделяется особый тип резца, который я назвал бы «резцом на волне». Структура его определяется особенностью строения кремня, в силу которой гладкая поверхность спинки отщепа, не дойдя до конца ядрища, иногда вдруг резко меняет направление и оканчивается заворотом на брюшко. Образуется красивая гладкая волна, при поперечном сечении которой под разными углами с тем или иным поворотом секущей плоскости и получаются «резцы на волне», являющиеся очень устойчивым и продуктивным орудием для обработки кости, рога и дерева (табл. X, 13—16).

Из числа массивных изделий отметим плоско-овальные в сечении, слегка дугообразные небольшие орудия с параллельными краями, по отделке напоминающие орудия «пик» в миниатюре. Длина их составляет около 6—6.5 см, ширина 16—18 мм, толщина 8—11 мм. Оба конца уплощенно затуплены на всю ширину тела. Предполагаемая функция — мелкая отеска камня.

К ним примыкает группа примерно таких же по размерам, но более массивных трехгранных (табл. X, 10) и четырехгранных прямых стержневидных орудий с тупо приостренным рабочим концом и туповатой пяткой (сверла), или же со следами работы на обоих концах (особенно отжимники).

К таким же коротким, но еще более массивным, за счет утолщения их средней части, орудиям относятся ладьевидные формы, плоские с одной стороны и килевидные с другой. Их длина от 5.5 до 7.5 см, при высоте в 18—22 мм (табл. XII, 1, 2).

Перечисленные массивные мелкие изделия обычно рассматриваются как отжимники, между тем морфологически они различны, причем тщательно обработанный дугообразный тип мог бы исполнять роль отжимника при значительно меньшей затрате труда и внимания на его оформление.

Функция малых ладьевидных форм, возможно, была смешанной. Используемые как отжимники, они, быть может, применялись и как вставные наконечники для точечной оббивки менее крупных орудий из гальки, оббивки, превращающей поверхность изделия в ровное поле осин или как самодовлеющее завершение отделки орудия, или как подготовку поверхности его под шлифовку. Если такое толкование их функции ошибочно, то остается открытым вопрос о типе орудия, которым такая оббивка производилась.

К той же категории стержневидных орудий типа отжимников относится и изображенное на табл. X, 8, имеющее 9.5 см. длины.

Можно полагать, что с дальнейшим накоплением орудий описываемой группы станет возможным и более точное их разграничение соответственно получающей в неолите заметное развитие фактической дифференциации орудий, т. е. выработка четкой зависимости между их формой и функцией.

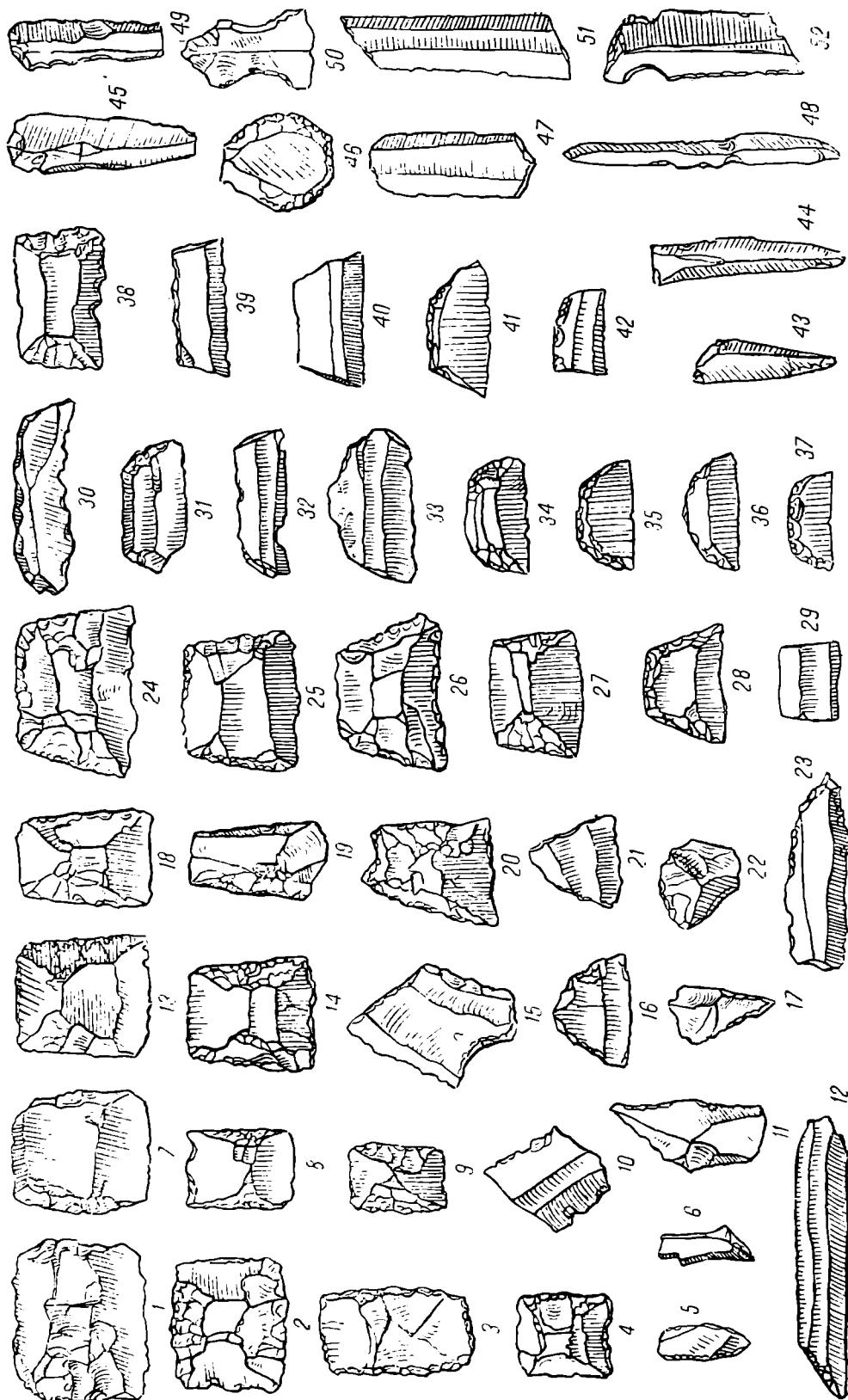

Табл. XI. Селище Кистрик. Кремневый инвентарь.

1—52 — микролиты. Кремень. 7/6 нат. вел.

Мнение свое о малых ладьевидных формах выдвигаю на основании их сходства с самым крупным кремневым орудием Кистрика, уникальной «киркой», длиной выше 20 см (табл. X, 19). Эту «кирку» возможно сопоставить с еще бытующим старинным стальным орудием, вывезенным в Абхазию греками-каменщиками из района Орду и применяющимся в Малой Азии для точечной обивки при обработке камня (рис. 9). Таковой же мне представляется и функция кистрикской кремневой «кирки».

Также в одиночных экземплярах встречены: острый и плоский, округлого контура резак, размером 7×7.5 см, с искусно сколотым гладким полуулунным лезвием; тесло длиной 8 см, при ширине лезвия в 2 мм; нож полуулунной формы (табл. X, 9); бурав большой трехгранный, длиной 19 см, при поперечнике более 3 см в утолщенной части (табл. XII, 7); два одинаковой длины массивных «остроконечника» листовидной формы в технике «пик» (табл. XII, 6) и другие орудия.

Кроме того, накоплено много отщепов, подлежащих всестороннему изучению и как материал для характеристики техники обработки кремней и как добавочный фонд, из которого могут быть извлечены неопознанные орудия и обломки изделий.

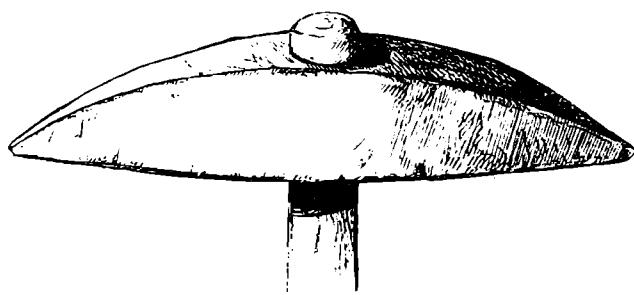

Рис. 9. Стальной молот каменщика, бытующий в Малой Азии.

рон, свидетельствующий, что и этот прием начал осваиваться людьми селища. Этим обстоятельством подкрепляется достоверность сообщения бригадира колхоза им. М. И. Калинина И. И. Заикина о кремневом кинжале, выкопанном в 1938 г., во время работы на поле II, к западу от оранжереи: «Кинжал, красиво сделанный из кремня и формой похожий на кавказский кинжал, имел в длину около 28—30 см. Края его были ровные и острые, а вся поверхность кинжала была в мелких ямках. Ручка оканчивалась утолщением. Некоторое время вещь эта находилась у нас дома, а потом ее побили на куски и затеряли».

Местная история освоения отжимной ретуши имеет свое продолжение в находке к северу от Гудаут незначительного количества орудий из гальки, сопровождавшихся кремнями неолитических типов, но несколько иного облика, чем кистрикские, и сплошь ретушированным крупным кремневым наконечником стрелы с пиловидными краями.

Обсидиан — материал, технически смежный кремню и как порода западной окраине Кавказа не свойственный, представлен на селище скромным количеством ножевидных пластинок и немногими мелкими отщепами; не обнаружено, пока, ни желваков ни нуклеусов. Площадь рассеяния обсидиана совпадает с максимальными границами селища, что позволяет связать время его появления на Кистрике с фазой наибольшего хозяйственного развития общины.

Интерес обитателей Кистрика к обсидиану, несомненно, вызывался исключительной остротой лезвий у приготовленных из него пластинок.

Большую значимость приобретает вопрос об источнике импорта обсидиана для района Бзыбской Абхазии, которая могла с равным удобством получить его и «из небольших северо-кавказских месторождений», и

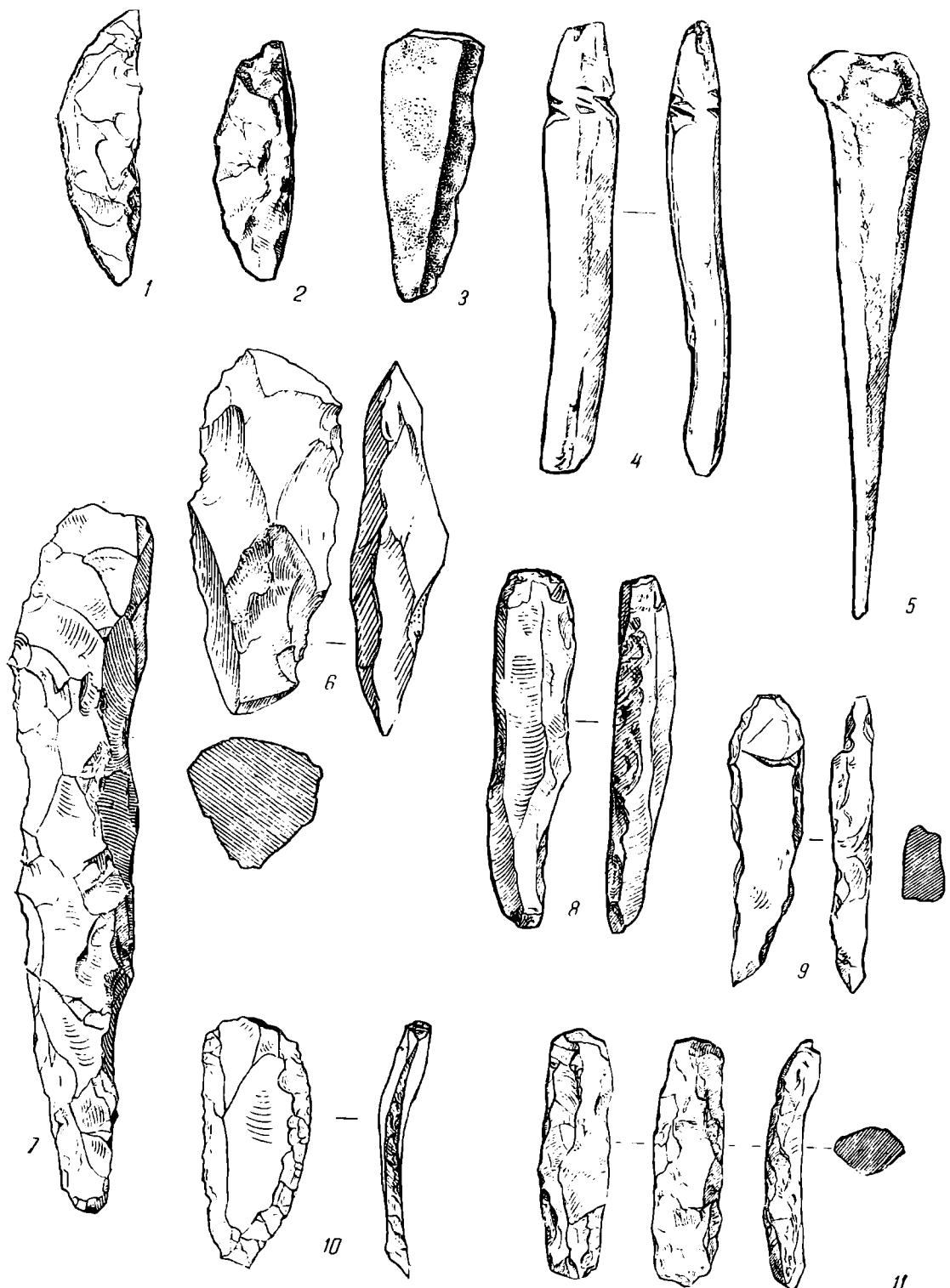

Табл. XII. Селище Кистрик.

1, 2, 6, 8—11—кремневые орудия; 3—образчик пиления камня; 4—палочка окаменевшего дерева; 5—шило костяное; 7—кремневый бурав. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

«из вулканической зоны Малого Кавказа»,¹ и даже из обоих источников одновременно.

Результаты сравнительного литологического изучения ножевидных пластинок и отщепов обсидиана, обнаруженного на Кистрике, и образцов из мест его природного залегания могли бы, вероятно, послужить основанием для важных общих выводов культурно-исторического порядка.

Керамика селища, вошедшая в коллекцию сборов, не обильна, так как представлена преимущественно образцами глубинными, связанными с основной толщой культурного слоя, откуда они вывернуты на поверхность при плантажной вспашке или вскрыты копкой шурфов. Кроме того, обломки наиболее древние, в силу совершенного их разложения, плохо поддавались сбору, а искусственно их укрепление в таких условиях не оправдывалось бы.

Древнейшие сосуды селища имели плоские массивные донья и почти вертикальные или с небольшим отвалом стенки. Общая их форма, вероятно, была близка к баночной, с прямыми округлыми или заостренными и слегка отогнутыми краями.

Высота сосудов остается неизвестной. Общие размеры их были разнообразны, от миниатюрного, не более 5 см диаметром, до сосуда, сохранившееся дно которого имеет в поперечнике почти 17 см. Тесто этих сосудов грубого замеса на морском песке (табл. IX, 12). Формовка ручная. На сохранившихся участках поверхности иногда заметны густо расположенные горизонтальные, толщиной в волос, полоски заглаживания. Обжиг окислительный (табл. IX, 11 и 13). Цвет черепков красный или бурый с темносерым или беловатым налетом. Поверхность местами крошковата, а местами покрыта густой сеткой мелких трещин. Как и на каменных орудиях, на этой керамике, как, впрочем, иногда и на более поздней (гребенчатой), обнаруживаются припаявшиеся железисто-марганцевые стяжения и известковые натеки.

В первые годы моих разведочных работ на Кистрике в центральной части селища (на участках 5 и 6 поля II и на поле III) разновременно найдены вывернутые из глубоких слоев 6 фрагментов тканевой (текстильной) керамики, принадлежащих 5 различным сосудам.

Действительное значение этого факта раскрылось лишь после обнаружения мной в сел. Псыртсхе (под Ахали-Афони) в июне 1945 г. огромной береговой стоянки с подобной же тканевой керамикой.

В связи с посвященным этому обстоятельству моим докладом в АБНПИ выяснилось, что две такого же рода стоянки открыты еще в 1934 г. под Сухуми (близ пос. Красный Маяк) и в г. Очамчире² Л. Н. Соловьевым, датирующим их бронзовым веком.³

Не находя возможным оспаривать эту датировку, я, однако, допускаю более ранний возраст кистрикских фрагментов и выдвигаю гипотезу о бытовании тканевых сосудов на перечисленных выше стоянках в едином пережиточном составе с упомянутыми выше хронологически безличными орудиями из гальки. Перечисленные «стоянки» я склонен рассматривать как места культовых празднеств с вековыми наслоениями традиционных сосудов, уничтожавшихся тут же на месте, как и все другие ритуальные принадлежности. Не было бы ничего удивительного,

¹ Б. А. Куптина. Археологические раскопки в Триалети, I, Изд. АН Груз. ССР, 1941, стр. 123

² Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, стр. 46—47.

³ Л. Н. Соловьев. Новые данные о бронзовом веке в Абхазии. Сов. Абхазия, № 4 от 5 I 1947.

если бы раскопки Кистрика подтвердили неотъемлемую принадлежность типа четырехугольных тканевых сосудов к неолитическому комплексу, в силу традиции, так же как и часть орудий из галек, просуществовавших «от Тарденуаза до Кобани».

К древнейшему слою кистрикской керамики присоединяю еще один придонный обломок с гладкой отвесной прямолинейной стенкой и плоским дном, принадлежащий, повидимому, сосуду прямоугольной формы.

Остальная керамика представлена образцами лучшей (даже хорошей) сохранности, вплоть до кусков величиной в 20×35 см. Черепки этой категории говорят о большом разнообразии сосудов селища по размерам, форме, сортам глины, примесям к формовочной массе, приемам обработки и т. д. Перед нами следы развития гончарного дела от примитивного мастерства до выработки хороших, крупных сосудов, примерно до 90 см в поперечнике. Толщина стенок, по собранным остаткам, достигает от 0.65 до 1.7 и даже до 2.5 см.

Преобладают, как будто, фрагменты крупных сосудов, притом, судя по уверенности линий и равномерной толщине черепков, на заключительном этапе, быть может, уже сработанных на круге. Отделка поверхностей сосудов разнообразна: имеются образцы отделки гребнем как снаружи, так и изнутри, причем иногда гребнем обработана только внутренняя поверхность, а наружная гладко залощена; иногда же наоборот — внутренняя поверхность заглажена, а следы гребня несет только наружная. Имеется и разделка двусторонняя, сплошная, с использованием гребня для орнаментации путем заглаживания поверхности в елочку, в переплет и т. п. Цвет черепков также разнообразен. Повидимому, наиболее молодой группой для Кистрика является керамика чернолощеная.

У разных сосудов борозды от гребешков различны по ширине; обычные размеры — 7, 4, 3, $\frac{1}{2}$ борозды на 1 см. Применялись гребни, дававшие борозды даже в 6 мм шириной. Остатки сосудов гребенчатой техники¹ рассеяны по всему селищу, связаны с общим вещественным комплексом, и никакие сопутствующие им материальные свидетельства об иных, кроме неолита, эпохах до сих пор на Кистрике не отмечены, хотя к северу и к западу от селища и имелись некоторые находки бронзы III этапа и керамики энеолитического облика.

Среди разнообразных образцов чернолощеной керамики Кистрика обращают на себя внимание крупные крепкие обломки серого или серебряного излома, до 2 см толщиной, сплошь обработанные с обеих поверхностей резко профилированным крупнозубчатым гребнем, причем по наружной поверхности сосуда проведены вертикальные, с широкими интервалами, узкие сглаженные полосы. Внутренняя сторона этих обломков светлокрасного или розово-красного оттенков. Места их нахождения связаны с плантажированной почвой. Ни доньев ни венчиков этих крупнейших сосудов пока обнаружить не удалось. По своей сохранности эти обломки несколько отличаются от основной керамики селища.

Кроме того, как было упомянуто, в единственном месте, в так называемом «черном пятне», на поле IV, были подняты обломки амфор классической формы и других синхронных им сосудов, датируемых железным наконечником копья.

Таким образом, совокупность наблюдений позволяет нам установить определенное разнообразие керамики селища в хронологическом разрезе; мы вправе выделить особый древнейший слой, связанный с воз-

¹ Оговариваюсь, что речь идет не о накалывании, а о заглаживании гребнем.

никновением поселения, и отметить последующий этап в развитии форм сосудов и техники их выделки.

Задача исчерпывающего исследования селища обязывает нас добиться полного представления о всем его гончарном наследстве; осуществить это требование будет, однако, возможно лишь при условии проведения тщательных раскопок с установлением стратиграфии Кистрика. При этом необходимо будет учесть, что многие формы сосудов неолита, удовлетворявшие хозяйственно развивающуюся общину, могли бытовать и в последующие эпохи.

Изделия из кости на селище являются редкостью. Единственный экземпляр, имеющийся в наших сборах, представлен крупным шилом (табл. XII, 5).

Судя по значительному развитию кремневой индустрии, и группы резцов, в частности костные изделия, должны были занимать в кистрикских культурных остатках видное место. Между тем в условиях влажных субтропиков кость не сохраняется длительно в открытом грунте, и до нас могут доходить лишь изделия, очутившиеся в исключительной обстановке, способной предохранить материал от разложения.

Следы дерева на Кистрике обнаружены: 1) в виде плоского черного, полуобуглившегося, полуокаменевшего куска, величиной в раскрытую ладонь, тяжеловесного и твердого, как эbonит, и теперь растрескивающегося, и 2) в виде палочки около 12 см длиной, представляющей в сечении квадрат (т. е. четвертую долю более толстой ветви, расщепленной накрест). Палочка полностью окаменела; у одного из концов она имеет охватывающие зарубки как бы для привязывания, сделанные острым кремневым орудием (табл. XII, 4).

Дерево также должно было играть выдающуюся роль в хозяйстве обитателей селища, а наличие в местной флоре самшита и трудно гниющего тисса дает кое-какую надежду на дальнейшие находки.

Изделия из свинца. Разведки на Кистрике велись мною при напряженном внимании к возможному присутствию следов металла, конечно, меди в первую очередь.

Особое внимание привлекало к себе упомянутое выше «черное пятно» на поле IV. Раскоп, размером 130×140 см, произведенный мною осенью 1930 г. в западном конце пятна, показал, что чернота почвы доходит до глубины в 80 см.

В восточной части раскопа, на глубине 20—60 см от поверхности, в тесной близости одна от другой обнаружены 22 крупных свинцовых обоймицы. Во всей толще черного слоя попадались черепки разнообразных, характерных для Кистрика сосудов, в том числе и древнейших, кремни и битая галька. Ни по своей насыщенности ни по общему содержанию слои раскопа не отличались от остальных мест селища. Обоймицы, слегка деформированные сдвигами смешанной с камнями почвы, представляют собой, приблизительно, прямоугольные, плющенные пластинки длиной, в среднем, около 98 мм, при ширине около 34 мм. Концы пластинок загнуты на одну сторону до встречи, причем длина загибов в 15—20 мм не всегда выдержана. Толщина пластинок, различная даже в одном куске, колеблется от 3 до 7 мм. Таким образом, просвет обоймицы для ремня или плетеного жгута имеет, приблизительно, 12 мм высоты и около 30 мм ширины. Обоймицы покрыты глубокой патиной и частично видоизменены в результате окислительных процессов. Неравномерность состава свинца, обнаружившаяся отдельными уже вывалившимися «окопечками» (рис. 10), видимо, свидетельствует о холодной обработке материала путем использования рудных самородков или

с близлежащей Дзышры¹ или с Хымцы. Эти обоймицы, являющиеся, вероятнее всего, поясным набором (по аналогии с обоймицами из меди), не были надеты на ремень или жгут в готовом виде, а были загнуты и обжаты ударами на самом ремне. На ряде обоймиц сохранились ясные следы этой грубоватой техники, замечательной тем, что в действии были орудия с очень незначительной ударной поверхностью, имевшей то линейную форму, то форму притупленного острия.

В этом факте мы имеем подтверждение того, что первобытный человек в своем начальном знакомстве с металлом подходил к его обработке с приемами камнеобрабатывающей техники; кузнец, хотя бы и примитивный металлург, никогда бы к свинцу не применил только что описанного приема.

Исчерпывающее заключение об огневом или самородном происхождении свинца в представленных изделиях будет зависеть от предстоящего химико-технологического исследования обоймиц.

Присутствие среди шлифованных каменных орудий изделий из свинца ни в какой мере не снижает датировки селища, которое своими материалами уже говорит за себя достаточно убедительно. Наоборот, опираясь на прочную датировку селища, мы, возможно, должны будем несколько изменить свои представления о порядке зарождения примитивной металлургии юго-западного Кавказа, так как исключительная уникальность обоймиц, характер их обработки, древность, свидетельствуемая мощным слоем патины, наконец, невозможность связать их по Кистрику с каким-либо иным вещевым комплексом, утверждают их положение в перечне неолитического инвентаря. Вполне последовательно, что человек неолита начал свое знакомство с металлами с самого мягкого, самого ковского и самого легкоплавкого из них, перейдя на следующей ступени культурного развития к широкому освоению меди.

Литература по начальной технологии свинца очень невелика. Случай находок древнейших изделий из свинца малочисленны. В кругу этих фактов обоймицы селища Кистрика, как по обстановке их находки, так и по датировке изделий, должны лечь «свинцовым грузом» на чашу весов в споре о самобытности и древности зарождения металлургии на Кавказе.

Перечень добытого на Кистрике археологического материала заканчиваю упоминанием об остатках отдельных раковин устрицы и мидии, обнаруженных *in situ* в нескольких местах селища.

* * *

В подкрепление ориентировочных соображений по относительной датировке селища, основывающихся на уровне развития производительных сил родового коллектива, нам необходимо обратиться к причинам, вызвавшим возникновение и дальнейший хозяйственный рост приморского поселка на ручье Кистрик.

Эти причины, в основном, сводятся:

1. К зарождению новых отраслей хозяйства и необходимости иной расстановки его слагаемых, рассчитанной на лучшее удовлетворение потребностей растущей общины.

¹ По словам проживающего в Гудаутах старого штейгера П. С. Козлова, на Дзышре встречались самородки свинца до кулака величиной.

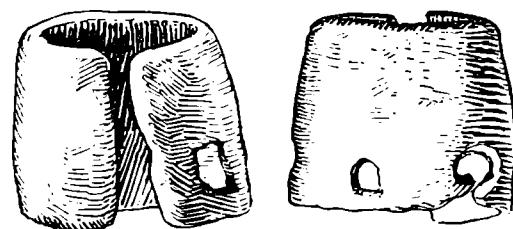

Рис. 10. Свинцовые обоймицы с вывалившимися «окошечками». 2/3 нат. вел.

2. К обусловленному вышесказанным усложнению технических функций родовой общины, с вытекающей отсюда потребностью в орудиях труда, более разнообразных, более многочисленных и лучших в качественном отношении.

3. К тому, что, в силу отсутствия нужных условий и вследствие недостаточности кормовой и сырьевой базы, старое место обитания сделалось непригодным для решения вставших перед родовым коллективом новых задач.

С переселением к берегу моря община получала залежи берегового галечника, т. е. неисчерпаемый сырьевой запас для производства орудий из галек.

Кормовая база усилилась наличием против поселения большой устричной отмели, а также сезонными береговыми перелетами сухопутной и водоплавающей птицы и ходом морской рыбы и дельфина. Открытая береговая полоса способствовала обмену между дальними общинами; к тому же жизнь у моря позволяла людям пользоваться плотом и долбленной лодкой. Выброс штормами на пляж частей сваленных деревьев экономил труд по добыванию топлива. Наконец, немаловажен и вопрос о соли для людей и скота. Ему мало уделено внимания в нашей археологической литературе. Несомненно, в некоторые эпохи он решался на побережье как непосредственным потреблением морской воды, так и выпариванием этой воды в нарочито устроенных на берегу углублениях.

В освоении новой природной и хозяйственной обстановки община подчинялась сезонному ритму трудовых процессов, вызванному примитивными формами земледелия и скотоводства. В развитии их — одна из причин общего ускорения культурно-исторического процесса.

Надо думать, что именно с этого времени стала ощутимой и суровая сила божества моря, понуждавшая общину к умилостивительным обрядам. Так расширялась надстроечная, культовая сторона быта.

В этих же условиях заложено и начало хозяйственной дифференциации родовых общин. Не все родовые коллективы ушли «к морю». Мы вправе ожидать выявления следов и пещерного неолита и следов открытых горных неолитических стоянок, население которых существовало, главным образом, охотой и собирательством. Несомненно, первыми клиентами по обмену для Кистрика были не дальние обладатели обсидиана, а свои же местные общины.

Первые шаги по исследованию и изучению селища знакомят нас с обильным и весьма разнообразным археологическим материалом, и все же у нас нет в руках материала, добывшего послойными раскопками, строго хронологизированного, и нет уверенности в том, что типы орудий Кистрика уже представлены исчерпывающе. Тем не менее, сделаем попытку определить лицо древнего поселка на основе уже выявленных данных.

Прежде всего, по развитию ведущего орудия — шлифованного топора — мы можем говорить о длительном существовании селения, о присущем ему большом хронологическом диапазоне. Затем, по облику орудий и местам их залегания, мы можем предположить, что первоначальный поселок был невелик, и до оконтуренных нами границ он разрастался постепенно, параллельно умножению числа членов общины, усложнению техники и, соответственно, нарастанию количества типов орудий.

Доказанными для Кистрика мы можем считать развитое гончарство и примитивное земледелие. По наличию определенных орудий, а также по аналогии с синтадиальными памятниками мы заключаем, что члены Кистрикской общины занимались охотой и рыболовством и освоили начатки животноводства, а также занимались обработкой дерева, кости,

рога и шкур. Нахождение прядища и следов тканевой (текстильной) керамики позволяет предполагать знакомство кистрян с прядением и ткачеством.

Предельного развития на селище достигала техника обработки кремня (за исключением его шлифовки) и гальки. Люди общины пользовались не только раскалыванием, оббивкой сколами, точечной оббивкой и шлифовкой изделий, но начали применять и сверление и пиление камня (табл. XII, 3). Мало того, среди материала, добытого на Кистрике в 1941 г. экспедицией АБНИИ под руководством Л. Н. Соловьева, мы видим образчик примитивной глиптики, маленькую таблетку с углубленным изображением магического символа — раскрытой шестипалой руки.

Перед нами картина развитого неолита, при изучении которого, однако, уже намечаются значительные местные отличия.

Прежде всего, неолит Абхазии, как и вообще неолит южных стран, не связан с мегалитами; известно, что местные дольмены относятся к более позднему времени. Инвентарь Кистрика характеризуется разнообразием микролитов, большинство которых ретушировано со спинки. Совершенно отсутствуют пилки-пластинки с лезвиями, обработанными в виде зубцов, и листовидные ножи, копья и стрелы «солютрейской» техники. На селище мы видим остатки развитого гончарства с рано возникшими плоскодонными формами сосудов, при слабо развитом орнаменте.

Кистрикская, вероятно еще матриархальная, община, очутившись в благоприятной природной обстановке, быстро и самобытно продвинулась по пути экономического и культурного развития.

Отмеченные выше местные отличия Кистрикской неолитической культуры, при только сейчас начинающемся изучении неолитических памятников Кавказа, еще не могут быть в должной мере оценены исторически. Мы пока можем только наметить некоторые соображения, которые должны учитываться при такой оценке.

С одной стороны, необходимо помнить о непрерывном существовании человека на данной территории, даже в условиях значительных климатических колебаний, вызванных оледенениями, откуда следует и непрерывность его культурно-исторического развития на древнейших этапах. Это подтверждается обилием палеолитических находок,¹ в данном районе. С другой стороны, в последующем огромное значение имело расположение Кистрикского поселения, а вероятнее широко разбросанной группы подобных приморских поселений, в своего рода коридоре, именно в достаточно узкой части одного из немногих древнейших путей, соединявших области равнинного юго-востока Европы со странами южного Кавказа и Малой Азии.

При определении хронологических дат для родовых коллективов, характеризуемых примером Кистрика, необходимо будет учитывать возможность известного местного выигрыша темпа в культурно-историческом движении, который мог быть самостоятельно достигнут отдельными общиными, вышедшими к морю и являющимися для своего этапа картину предельного развития.

Находку столь содержательно представленного берегового неолита в Абхазии можно считать случаем неповторимым. В свое время неолит,

¹ С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии. Тр. Инст. Абхазской культуры АН СССР, вып. 10, Сухуми, 1937. — П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА СССР, II; статья содержит ссылки на 10 сообщений о находках палеолита, сделанных Л. Н. Соловьевым в Абхазии. К этим ссылкам присоединяю факт обнаружения мною в 1941 г. несколько западнее ручья Кистрик и в 40 м выше шоссе, т. е. на уступе III террасы, в обрыве, образованном промоиной, типичного мустерьского остроконечника.

видимо, неплохо был выражен по всему Черноморскому побережью Кавказа, но в силу тектонических смещений, при положительном движении береговой линии, большинство береговых поселений снесено морем. Это подтверждается: 1) наблюдениями, сделанными во время раскопок энеолитического селища у Очамчирского порта, где основной культурный слой оказался лежащим почти на уровне моря или уходящим ниже этого уровня, причем отдельные, более древние культурные прослойки были обнаружены на глубине от 3 до 5 м ниже уровня моря; аналогичное положение отмечено и для г. Сухуми;¹ 2) продолжающимся в наши дни разрушением подступающих к морю террас и 3) находками в разных местах пляжа среди берегового галечника слегка окатанных орудий неолитического типа.

Подкреплением этих доводов служит абхазское сказание о чуть видимом над поверхностью моря, восточнее Гудаут, камне Нагу, ниже которого якобы имеется пещера, в которой когда-то обитали люди.

При всей своей общей недостаточности кистрикский вещевой комплекс по разнообразию орудий из кремня и гальки и наличию среди них форм классического неолита должен занять твердое место в списке древних поселений, обнаруженных на территории современной Абхазии, и приобрести значение опорной точки в вопросе периодизации и датировки неолита и примыкающих к нему эпох по юго-западному Кавказу, а может быть, и более широкой территории.

Значение селища Кистрик особенно велико ввиду того, что на Кавказе периоды исторического развития, соответствующие мезолиту и неолиту, пока почти не известны.²

Это значение усиливается тем, что Кистрик — не могильник, а место поселения, хранящее в своих напластованиях материальные следы длительного периода жизни и деятельности древнего родового коллектива.

Полагаю, что сохранившийся еще местами археологический материал селища Кистрик, в своей совокупности состоящий из последовательного ряда качественно изменявшихся вещевых комплексов, сможет дать нам множество указаний о времени, темпах и характере развития матриархальной родовой общины, обитавшей здесь.

Отражая в себе общие законы развития человеческого общества, неолит Кавказа, юго-западного Кавказа в частности, имеет и свои собственные местные черты, исчерпывающее выявление которых само по себе составляет благодарную научную задачу.

Совокупностью всех изложенных соображений определяется значение селища Кистрик как объекта, требующего неотложного исчерпывающего исследования квалифицированными силами.

¹ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, стр. 14, 21, 22, 46 и др., где отмечаются факты, согласующиеся с приведенной выше геологической характеристикой района Кистрик.

² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 1935, стр. 78—79.